

18+

КУРСА НЕСТАНДАРТНОГО ФЭНТЕЗИ «ВТОРАЯ СТРЕЛА»

ДЕТИ ЛЕЗВИЯ

ЖАННА ПОЯРКОВА

МЫ — КРЫЛЬЯ ПТИЦЫ,
ЧЬЕ ИМЯ — СМЕРТЬ

Жанна Пояркова

Дети Лезвия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48897536

ISBN 9785005096647

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Дети Лезвия – художники смерти. Людские жизни – лишь краски для их зловещих полотен, человеческая мораль им чужда и неинтересна. Но одна из них, гордая и жестокая Ра, в смутное время станет защитником людей, которых прежде презирала. Это черно-белая сага об абсолютном одиночестве в мире, где есть лишь долг и красота – красота убийства. Победитель конкурса нестандартного фэнтези «АСТ». «Это странный, болезненный, кровавый, мрачный, жестокий и очень стильный роман». Врочек Шимун

Содержание

Часть 1

7

Конец ознакомительного фрагмента.

104

Дети Лезвия

Жанна Пояркова

Посвящается Рикю – с тем, чтобы он выставил свои картины в Эрмитаже.

А также: Корвину – за смелость сделать эту вещь такой, какой я ее вижу, а не такой, какой кому-то хотелось, Eagle14 – за упорство, подтолкнувшее писать, и Томминокеру – за все.

Корректор В. Н. Леснова

Дизайнер обложки Ульянов Чесноков

Иллюстратор Анастасия Волкова

Иллюстратор Елена Беспалова

Редактор В. В. Беляева

© Жанна Пояркова, 2021

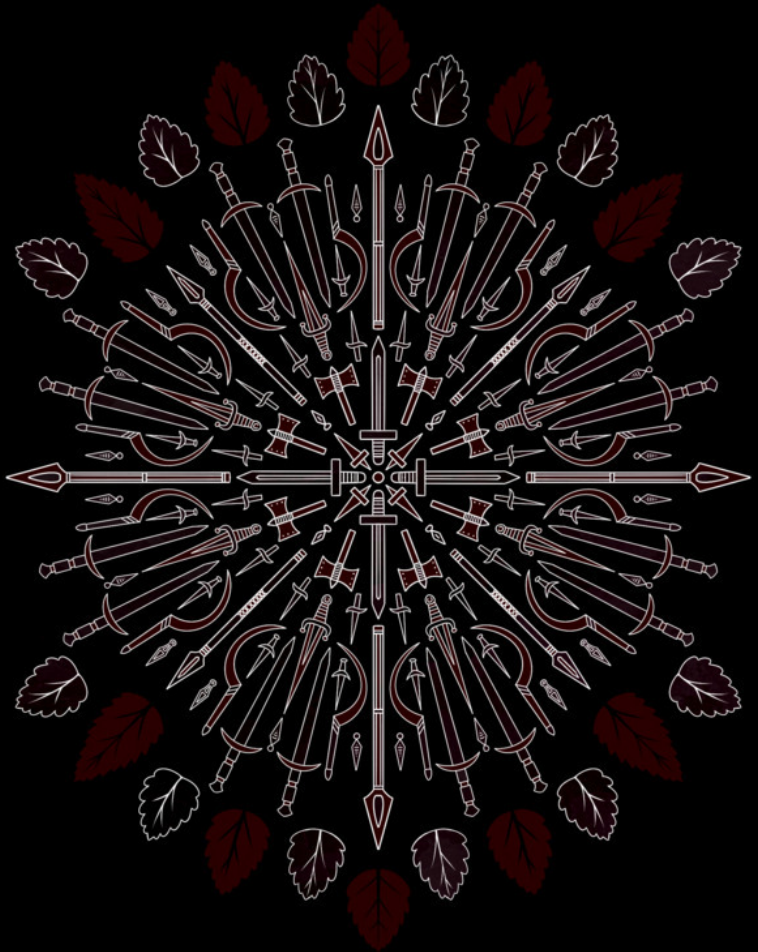
© Ульянов Чесноков, дизайн обложки, 2021

© Анастасия Волкова, иллюстрации, 2021

© Елена Беспалова, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0050-9664-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Аристократ Кайн Тревор лежал с искусно вспоротым животом, похожим на красный цветок. Придаться не смог бы даже Адепт¹ – мертвец застыл, демонстрируя своей смертью еще один прекрасный аккорд мироздания. Ни одна капля крови не упала в неположенное место. Если бы у меня не было рук, все равно все получилось бы так, как я сейчас видела: нужно только кивнуть братьям, и они отправят к праотцам любого. Две мои тени, с удовольствием выполняющие фамильное дело.

Я удовлетворенно хмыкнула и жестом позвала братьев полюбоваться на содеянное. Люди, с которыми мне приходилось встречаться, всегда обращают внимание на мой взгляд, – не застывший, не мутный и ничего не выражающий, а необыкновенно живой и холодно-любопытный. У каждого из нас такой взгляд.

– Мы орудие и рука, – это Эйлос, вычертивший мечом кровавую линию и опершийся на рукоять.

– Те, кто судят, и те, кто казнят, – это Тарен, у него низкий голос-бархат, а руки, щетинящиеся в случае необходимости лезвиями, сложены на груди.

– Крылья птицы, чье имя Смерть, – закончила я, стоя меж-

---

¹ Адепт – служитель, достигший высокой ступени в тайном культе (знании).
У даройо – высшая ступень иерархии.

ду ними.

«Смерть... смерть... смерть...» – привычно раздалось эхо, подтверждая, что ритуал выполнен безукоризненно. Кайн Тревор умер по всем канонам, ему не на что жаловаться. А нашему заказчику – тем более.

Мы молча развернулись и пошли прочь, печатая шаг под высокими сводами Зала Закона: я – чуть спереди, Эйлос и Тарен – позади, синхронно, одновременно спрятав оружие и закутавшись в плащи. Их походка своеобразна и красива. За ними можно наблюдать часами: братья – отражения друг друга, их передвижения напоминают танец падающих сухих листьев, кружащихся медленно и плавно. Высокие фигуры, угрюмые темные глаза следят за происходящим из-под капюшонов – все это безупречно. Эйлос – это Тарен, а Тарен – это Эйлос, они великолепные орудия, две руки, которые разят то, что я скажу, два темных крыла для тела – вершины треугольника. Для меня.

Я выгляжу не столь впечатляюще. Пожалуй, я много больше похожа на людей, чем любой из даройя, Детей Лезвия. Я не пользуюсь говорящими мечами, не исчезаю в облаке дыма и не имею рогов на голове. Даже не умею пропадать в тени, словно сумеречные братья. Но некоторые приметы ремесла и призвания есть и у меня: рисунок черных крыльев на лопатках, глаза и запах. Я пахну, как остывшее пожарище, как мокрые угли, как мертвый костер. Именно как мертвый костер. Я – пламя смерти.

Когда ты узнаешь свое предназначение, время превращается в копье, разящее цель. Я указываю, куда стрелять, я – лук, братья – стрелы. Рисунок на лопатках не татуировка, это семейный знак; когда-то у каждого даройо были крылья, сейчас все изменилось, но напоминание об этом осталось. Глаза... ну, мои глаза вдохновляли многих менестрелей. Как там они пели? «Каждый, кто взглянет в очи Ра, чувствует на плече руку гибели». В общем и целом это верно. Мне нравится убивать менестрелей. Особенно душить злополучных музыкантов струнами их собственной лиры – это согласуется с вечностью.

Мы вышли из Зала Закона, оставив Кайна Тревора лежать и смотреть на мозаику потолка остекленевшими глазами. Наверное, он походил даже не на цветок, а на распятую морскую звезду. Братья молчаливо заняли место по обе стороны от меня, и мы почти летели по ночным улицам, едва касаясь камня мостовой; никто не посмел бы нас остановить, да никто и не встретился на пути.

Храм белел невинным бутоном посреди кричащих зданий Беара. Он завершал улицу, по которой мы сейчас шагали, наполненные осознанием своей мощи. Мне было все равно, зачем члену Совета Беара понадобилось совершать это преступление, но результат мне понравился. Уже давно я не ощущала такого воодушевления, да и братья несколько потеряли отстраненность, в тихом блеске их глаз я видела удовольствие. Тарен накрыл мои обнаженные плечи плащом,

целуя в шею, и я поддалась ласке, улыбаясь безжалостным звездам – постоянным свидетелям картин, которые я рисовала во славу фамильной чести. Это была хорошая ночь.

* * *

К моему жилищу никто и никогда не приближается без крайней надобности. После того, как Сэтр поставил нам ультиматум, это перестали делать даже другие Дети Лезвия, разве что пара-тройка дам из Чарующих наведывались к атлетически сложенным братьям. Я не протестовала – разнообразие похвально – но сама избегала сношений с порочными созданиями, ведь ничто так не лишает ясности разума, как чадающие развлечения. Алый Призрак – замок, созданный мной из праха. Это творение восславляет неизбывную любовь к красивой смерти, и я болезненно реагирую на попытки ворваться в гармонию его залов. Именно поэтому шорох, раздавшийся сзади, меня удивил. Только сумасшедший посмел бы забраться в цитадель.

Племя демонов, как нас называют жители Беара, немногочисленно. Большая его часть приходится на Лордов Лжи – правящую элиту, обманщиков и мошенников, и на Чарующих, которые занимаются эффектными соображениями не столько из-за поступающих просьб и заказов, сколько по зову похотливой сущности. Детей же Лезвия осталось немного, потому что их боятся все.

У каждой семьи есть нерушимый кодекс. Дарить гибель – это сокровенное, ни с чем не сравнимое искусство, которое является смыслом нашей жизни. Такими нас создали Серые Боги. Главное, чтобы исполнение было безукоризненным, и в самом убийстве заключался смысл; чтобы оно выводило на новую ступень. Сэтр – глава клана, Адепт, следящий за чистотой происходящего, и ему недавно стало казаться, что наша ритуальная молитва далека от совершенства. Думаю, он продался Лордам Лжи... Сзади точно кто-то крался. Я решила посмотреть, что предпримет неведомый нарушитель. Закончится это для него очень плохо. Осталось только выбрать способ.

Во время последней встречи Сэтр сказал, что слова ритуала звучат кощунственно, что они самонадеянны и ставят нас чересчур высоко. Я же предложила ему забыть о них, потому что изменять слова семейной молитвы – поругание святыни. Она так же незыблема, как величие Смерти. Он был рассержен, но потакать чьим-то желаниям, если это может уменьшить удовольствие от того, чем я занимаюсь, не в моих правилах.

Меня не удивляет преувеличенное внимание к нашим делам, потому что мне всегда казалось, что убийство Адепта превосходно согласуется с Заповедями, и каждый из нас должен стремиться завершить спектакль этой прекрасной сценой. Я бы вскрыла ему грудную клетку и воткнула туда факел, чтобы добавить немного огня в его жалкую философию.

Мы с братьями как нельзя ближе подобрались к выполнению такой задачи, намного ближе, чем все остальные. Убить Адепта – вершина карьеры, острие меча, после которого следует лишь вызов самой Смерти.

Тихие шажки за спиной продолжались. Самое отвратительное заключалось в том, что я чувствовала запах человека, и это лишало равновесия. Не знаю, как он попал в Алый Призрак, но он за это жестоко поплатится.

Перед тем, как я покинула его, Сэтр припомнил все странности моего отца, который и написал половину Заповедей, но спутался под конец дней с человеческой женщиной, а потом исчез. Адепт пытался оскорбить меня, и это лишь увеличило желание как можно быстрее выйти на уровень, позволивший бы мне его уничтожить. Он приказал изменить слова ритуала, а я ушла. Братья-демоны следовали за мной по пятам, будто следы на песке.

Называть нас демонами неверно, но именно древняя легенда про падших вдохновила нескольких спятивших от своего могущества магов, названных впоследствии Серыми Богами, когда они создавали Ущелье. Фантазия у них была своеобразная, а избыток магической силы позволял ее воплощать. Все мы обладаем чутьем на магию и определенными способностями, причем у каждого есть особенность, которой лишены другие. Так и появились кланы.

Алый Призрак – шедевр магической архитектуры. Я создала его сама, с первого камня и до последнего шпиля.

Отец своей смертью уничтожил наш фамильный замок, оставив только фундамент – черную звезду, и мне пришлось прячась, чтобы не посрамить честь рода. Это одна из традиций: если меня убьют, Алый Призрак тоже прекратит отбрасывать багровые отблески в беззвездное небо Ущелья Раздоров, взорвавшись миллионами мелких камней.

Главный зал, в котором я находилась, всегда был моим любимым детищем. Огромная прямоугольная комната, с двух сторон которой спускаются винтовые лестницы из красно-коричневого камня. Они выходят прямо на мозаичный пол перед задней стеной, она кажется сделанной из поднимающегося к потолку пламени – настоящая каменная стена скрыта за бушующим огнем, заменяющим мне и светильники, и очаг, и прекрасные гобелены. Пламя отделено от остальной площади зала невысокой, на уровне колена, решеткой из черного металла, извивающиеся узоры которого отбрасывают замысловатые тени. Дополнительными источниками освещения я не пользовалась, ведь взлетающий до самого потолка огонь превосходно выполнял их функцию, заливая черную громаду зала золотисто-багровым сиянием.

Впечатляющая картина, можете мне поверить. Ее завершают невыносимо высокие своды, абсолютное отсутствие каких-либо лишних элементов, черная плоскость противоположной огню стены, и мозаика в центре пола. А, и еще две колонны посередине, заканчивающиеся где-то в вышине

свода, как раз по обе стороны мозаики. Черный – и оттенки пламени, безмерно многообразные на протяжении всего жизненного цикла; суровый мужчина – и постоянно меняющаяся женщина; стержень, цель – и бесчисленные вариации. Таков смысл творения. Любой, кроме нашей троицы, должен был чувствовать себя жалкой букашкой посреди громады Алого Призрака.

Мозаика на полу заняла у меня два года жизни – каждая мелочь фамильного знака выполняется идеально точно, как в работе ювелира, как в ритуальном убийстве. Никаких излишеств в нем нет, избыточности сюжета тоже не наблюдается, – ярко-красная птица с раскинутыми крыльями, перья которых – острые лезвия. Птица выполняется на черном фоне, а по кругу мелкими буквами выписана ритуальная молитва. Мрачно, строго, величественно.

Для того, чтобы мозаика получилась как раз такой, как нужно, мне пришлось потрудиться, а теперь кто-то сзади натужно дышал, думая, что я не догадываюсь о его присутствии, и лелеял надежду побродить по полам моего замка. Или, может, убить меня? Подумав о такой возможности, я засмеялась. Смех получился грубым, как у пьяного менестреля. Некто испуганно замер. Стук сердца человека был так громок, будто я держала его в руке.

– Ладно, – я поднялась с пола, где сидела, скрестив ноги и глядя на черную стену. – Хватит играть со мной, червь.

И в этот момент он исчез! Прежде чем я успела метнуть

серп туда, откуда раздавались звуки, прежде даже, чем я повернулась, пришелец пропал, будто его и не было. Я больше не слышала замаскированного шума, не ощущала чужого присутствия. Невозможно!

Обернувшись, я прыжком достигла колонны, но зал был пуст. Ни следа магии, ни одного звука. Шаги и стук перепуганного сердца остались в прошлом. Я могла бы сказать, что мне почудилось, но я не из тех, кому чудится всякая дрянь. К тому же пришелец оставил след.

– Эйлос! – закричала я, глядя на маленькую коробочку, вмещающуюся своим существованием в гармонию Алого Призрака.

Брат появился незамедлительно, выступив из-за колонны, мигом позже с лестницы спрыгнул Тарен, и его смертоносные руки были наготове. Я не знаю, где они пребывают в период покоя. Мои братья непостижимы; они как будто отзвуки эха или следы преступления. Они немногословны, отчуждены – создания-тени. Стоит мне позвать их, как они приходят. Мы – одно целое. Одно оружие, состоящее из трех частей.

Эйлос сразу же заметил оставленный в сердце Алого Призрака предмет и встал рядом. Тарен тряхнул руками, избавляясь от оружия и показывая мне, что не чувствует опасности. Во мне же закипала ярость. Глубина нанесенного оскорбления требовала жестокой мести: кто-то проник в центр замка и оставил здесь проклятую коробочку вме-

сто своего окровавленного тупа. Если кто-нибудь узнает об этом, он может усомниться в моем мастерстве.

Взглянув в почерневшие от ярости глаза, Тарен скинул капюшон. На смуглом лице не отражалось ни одной эмоции.

– Наверное, это послание, – предположил Эйлос. – Кто бы ни был пришелец, ему удалось невозможное, а он даже не попытался напасть на тебя.

– Ларец не опасен, – подтвердил Тарен. – Но открывать его я бы не стал.

Я наклонилась и подняла знак своего позора. Коробочка умещалась на ладони, в ней мог быть свиток, какая-нибудь вредоносная пыль, наведенное проклятье, утрамбованная магией тварь – все что угодно. Тем не менее, выглядела она безобидно. Просто маленькая черная коробочка, без знаков и надписей. Угроза от нее не исходила, а чутье у нас с братьями развито превосходно.

– Посмотрим позже... – я нахмурилась.

Внезапно Алый Призрак наполнился звуком – душераздирающим воплем, который звенел, резонировал, метался под сводами, залетев внутрь откуда-то издалека. Так вопят сторающие на лету демоны или женщины-колдуньи, когда на их глазах убивают мужа. Этот безобразный крик заметался внутри замка, а потом стих.

– Что за... – я не договорила, рванув к выходу, братья бежали следом.

Промчавшись по лестнице и одолев несколько пролетов

галереи, мы оказались у выхода, и двери сами открылись, пропуская во двор.

Была ночь, небольшие искорки звезд, брошенных горстью бисера на темную ткань небосвода, давали очень мало света, еле пробиваясь сквозь туман. Однако мрак на севере освещался ярким заревом на том месте, где стоял замок Морэя, одного из Детей Лезвия, живших неподалеку. Выбежав за стены, я увидела картину во всем ее великолепии – замок Морэя полыхал как бумага, а над ним висела огромная луна.

Снизу, из глубины Ущелья, неба не видно – все скрыто сероватыми волокнами густого тумана, но со скалы, где стоял замок, я могла беспрепятственно наблюдать бледно-желтое светило. Луна занимала полнеба, она тонула в клубах дегтярно-черного дыма, ее подпирало пламя. Мертвенно-белое, черное и пурпурное.

Кто бы ни совершил убийство Морэя и последующее надругательство над его замком, он проделал все в лучших традициях клана. Я пропустила замечательный момент осуществить то же самое, и теперь стоящие на далекой скале остатки жилища соседа-демона виднелись неммым укором. Колдовской огонь пожирал замок, и хотя до него было довольно далеко, мне казалось, что я чувствую жар, которым пышет место убийства. Заревое освещало долину, заполненную ночным туманом, острые пики скал, и тени носились на камнях, празднуя чью-то победу.

– Ну и ночь, – вздохнула я, отворачиваясь от замка Морэя.

С развалин замка донеслись звуки триумфальной песни. Судя по мелодии, это был Этрин, один из заносчивых молодых ублюдков, которые больше упивались славой, нежели величием ритуалов, сопровождающих смерть жертвы. Именно поэтому он и выбрал Морэя – убийцу довольно высокого ранга – после того, как его достижения отметил Сэтр. Убивать жертву в расцвете сил приятно.

– Хорошо сделано, – произнес Эйлос, надевая капюшон.

Возразить на это мне было нечего. Я заметила, что сжимаю в руке коробочку, а звуки стали сильнее. Мне глубоко противны усилия музыкантов. Я вообще ненавижу любой лишний шум, мешающий мне оставаться в покое с самой собой, а здесь находились мои владения. Вряд ли Этрин захотел бы, чтобы мое терпение вдруг закончилось.

Я подошла к краю обрыва и тихо, но твердо сказала:

– Пошел вон.

Ветер подхватил голос и донес его до ушей Этрина, напомним, что тот находится слишком близко от чужих земель. Я не видела, где он, удачливый проходимец, но знала, каково действие слов, подкрепленных магией. Музыка прекратилась.

– Он еще не готов сразиться с тобой, – заметил Тарен, возвращаясь к воротам.

Как только события завершались, братья теряли интерес к этому миру, пропадали.

– Конечно, не готов, – я усмехнулась, довольная наступив-

шей тишиной.

Эйлос и Тарен скрылись в недрах Алого Призрака, а я смотрела на зарево и кровавую луну, в свете которых Ущелье Раздоров выглядело еще более причудливо, чем обычно.

Кланы Лордов Лжи, Чарующих и Детей Лезвия сильно различаются между собой, и все же все мы живем на изломанном дне ущелья, вход в которое узок и труднопроходим. Серые Боги позаботились, чтобы никто не беспокоил нас понапрасну, поэтому войти в Ущелье Раздора для чужого тяжело. Скажем, это сопряжено с необходимостью приложить значительные усилия, поэтому те, кому необходимо что-то передать извне, доставить заказ или предложить сотрудничество, останавливаются у массивных ворот и зовут сэйфера. Ворота не заперты, они служат скорее символом, предостережением, которого почти всегда достаточно. Люди не настолько глупы, чтобы соваться в место, где их ждут всевозможные страдания или гибель от чересчур сладострастных утех.

Сэйферы – это посланники, связь. Они похожи на серых ястребов, но куда более стремительны и, уж конечно, намного умнее даже самых натренированных птиц. Сэйферы улавливают высказанную просьбу, прилетают на зов топчущихся у входа людей, выслушивают их, а затем доставляют предложение либо конкретному демону, которого просят об услуге, либо Адепту соответствующего клана.

Мне нравится, когда сэйферы прилетают ко мне, а это

случается нередко: они садятся у ног, распускают крылья – и слова просьбы проявляются на земле огненными знаками. Не знаю, может ли птица быть надменной или насмешливой, но сэйферы именно такие. Кажется, что они видят в каждой просьбе людей неудачную шутку, над которой предлагают усмехнуться вместе с ними. В общем, они правы.

Дно Ущелья Раздоров очень неровное, оно усеяно гигантскими зубьями, на которых любители уединения и аскезы выстраивают свои замки, а те, кому по душе комфорт и отсутствие пронизывающего ветра, селятся внизу, у подножия торчащих каменных клыков. Это, как правило, сибаритствующие Чарующие и Лорды Лжи, все они живут в глубине долины. Никто здесь не сеет и не жнет. Туман, покрывающий узкую дно Ущелья, несет гибель любому кроме членов кланов; на сухой каменистой почве растут мрачноватые деревья каори с темно-зеленой листвой или красные гиганты Ки-рра-Дис. Здесь все не так, как вне Ущелья, – воздух, вода, растительность. Особое место.

Оттуда, где я стояла, было видно еще несколько замков в отдалении, словно погруженных по колено в туман. Это самые высокие точки долины, они выступают даже над завесой белого марева, но находятся чуть ниже краев чаши из скал, которые обнимают Ущелье Раздоров острыми ладонями. Замки Детей Лезвия. Нас осталось не так много, но каждый знает, что достичь совершенства можно, только практикуясь там, где ничто не отвлечет, поэтому мы никогда

не селимся слишком близко к Чарующим или Лордам Лжи, да и друг друга избегаем. Творение Морэя (я не знала его имени) уже почти догорело, скрыв луну черным облаком гари.

Весь остаток ночи я изучала неожиданно доставшийся сувенир. Эйлос и Тарен о чем-то переговаривались, сражались друг с другом в углу комнаты, проворные и гибкие, но не подходили ближе. Они были абсолютно безразличны к тому, что скрывала загадочная черная коробочка, как и ко всему, что не касалось непосредственно исполнения ритуала. Похоже, они практиковались в тай-су, искусстве Твердости. Немного последив за ними, я отметила пару ошибок, но дважды огрехи не повторялись – братья хорошо знали дело. Покрутив в руках свидетельство моего позора, я приготовилась к любому возможному из неприятных исходов и открыла створки.

– Ради Тагота... – прошептала я.

Братья замерли, сложив пальцы в знаке уважения, а потом снова продолжили битву. Но я вовсе не собиралась вспоминать имя отца.

Эти слова были написаны на клочке бумаги, находящемся внутри коробочки, а после них следовало несколько фраз на неизвестном мне языке. Больше там ничего не было. Ни на белой обивке, ни под ней, ни сбоку, нигде. Ни вензеля, ни фамильного знака. Просто проклятая коробочка с куском бумаги. Почерк ни о чем мне не говорил, хотя чернила были

красными, а буквы выписаны очень изящно. То ли надо мной издевались, решив не ограничиваться проникновением в замок, то ли хотели что-то сказать, но прямо не решились.

Я медленно встала и поднялась по лестнице, оставив братьев в главном зале, немного посмотрела на огонь, а потом пошла по галерее, на ходу расстегивая узкую рубашку. В Алом Призраке отчетливо слышен каждый звук: как ветер проникает в одинокую галерею, которую я не удосужилась украсить барельефами или коврами, потому что мне больше по сердцу холодные плиты, как тихо потрескивает пламя, как изредка кричит где-то наверху пролетающий сэйфер, как четко, словно в танце, переступают братья, практикуясь в сложном искусстве. В противоположном выходе конце галереи есть маленькая лесенка вверх, ближе к небу, к шпилям Алого Призрака. Именно туда я и направлялась, раздеваясь и думая о том, как я могу избавиться от поселившегося внутри неудовольствия. Удержаться месте лучшей можно, лишь постоянно шагая вперед.

Притворив дверь, я бросила рубашку в угол, скинула все, что было на мне надето, и стала выбирать. Выбирать было из чего: острые шипы, которые можно вонзать под кожу, изогнутые клинки сабель, наточенные ножи, мечи, булавы, секиры, гизарма, стальные звезды с зазубренными краями, бичи с железными шариками, стилеты, небольшие боевые топоры, которые любил Тагот, даже рапиры – оружие аристократов... В комнате Искупления больше ничего нет. Только

оружие, крепко сбитая табуретка и большое зеркало. Иногда сразу знаешь, что нужно взять, но иногда выбор мучительно долг и неверен. Для этого и существует зэн.

Материал, из которого сделано зеркало, мне неизвестен, он похож на толстый кусок расплавленного серебра, и отражение в нем появляется не сразу. Лениво, медленно, словно просыпающаяся древняя магия. Зэн выглядит так же, как я, но лицо ее всегда бесстрастно, короткие черные волосы, едва закрывающие острые ушки, никогда не колышет ветер, а глаза встречают меня одним и тем же выражением – она смотрит на меня, но и сквозь меня. Что бы я ни делала, на зэн это не влияет; она двигается сама по себе. Руки, обвитые одинаковыми шрамами, будто веревкой, сложены на груди. Зэн ждет.

– Накажи меня.

Я опустилась на одно колено, ожидая решения духа, потому что заслужила наказание за невнимательность. В этот раз мне не пришлось долго ждать ответа:

– Бич.

Голос зэн совсем не походит на мой – он мелодичен и нежен, как тихий перезвон колокольчиков, и в то же время неумолим. Я же разговариваю немного хрипло, низким голосом, который становится очень звонким в минуты опасности. Я подняла глаза и увидела, что тонкий палец духа указывает на унизанное небольшими шипами оружие. Что ж, это правильный выбор. Мне действительно будет больно.

Одна из Заповедей гласит, что потерпевший неудачу и совершивший ошибку должен принять наказание немедленно. В этом есть несомненная мудрость – искупая вину собственноручно, проходя через боль и смывая кровью допущенную оплошность, оставляешь расстилавшийся впереди путь чистым; вместо того, чтобы откладывать возмездие на будущее и пожинать посеянное, немедленно наказываешь себя за неправильный поступок.

Кроме того, чувство вины, которое мучает после промаха, уязвленная гордость или страх перед непреодолимой трудностью, который часто появляется после неверного шага, исчезает тогда, когда нечего больше стыдиться. Свою неудачу надо уничтожить сразу же. И наказание всегда будет соответствовать проступку – за этим следит зэн. Если ты попытаешься уменьшить боль, она удлинит период наказания, добавив за непослушание, но о таких случаях мне слышать не приходилось. Все происходит добровольно.

Я стояла перед зеркалом, сжимая в руке рукоять бича, а зэн следила за мной. Когда я нанесла первый удар, шипы впились в кожу, царапая ее, а отражение стояло, не шелохнувшись, и наблюдало, скрестив руки на груди. После третьего удара с плеч потекла кровь. После двенадцатого красные капли падали под ноги... Я больше не смотрела в зеркало, зажмурилась и полосую себя бичом, пытаюсь отрешиться и исполнить то, что должно. Жгучие клыки боли терзали, вонзаясь то в бедро, то в спину, жадно вгрызаясь в тело. Бич

намок от крови. Давно зэн не заставляла меня продлевать наказание так долго, но намного проще перенести физическую боль, чем оскорбление, нанесенное чести. Я продолжала беспощадные удары, чувствуя, что руки слабеют.

– Тебе больно? – прошелестел голосок зэн.

– Ты видишь острее меня, – ответила я, сдерживая стон.

– Довольно.

Я открыла глаза и посмотрела в зеркало. Там отражалась только я, израненная и усталая, у ног растеклась лужа крови, а тело блестело от пота. На бледном лице выделялись впадины вокруг глаз и яркий мазок губ.

Говорят, некоторые дароёя больше не наказывают себя, считая это излишним, но я не верю в это. Еще бы сказали, что они спят на подушках и накрываются простыней, словно мягкотелые Чарующие. Только тот, кто сам может стойко переносить боль, достоин быть вестником Смерти. Шрамов не останется, все заживет, за исключением обвивающих руки белых следов от ран, которые мне нанесли во время Обучения. Лишь сильный духом может выдержать подобное, и это лучшее испытание.

Боль принесла с собой ясность. Я вытерла кровь с пола, забрала с собой окровавленный бич и отправилась к бассейну, укрыв бедра мягкой тканью из тайла. В Главном Зале все еще сражались братья, я слышала их дыхание и звук рвущегося под быстрыми ударами воздуха. Прошлепав босыми ногами по галерее, я спустилась вниз и нырнула под лестницу,

где скрывался бассейн, питающийся горячим ключом.

Эта комната не так аскетична, как каморка, в которой осуществляется Искупление, но для всего свое время и место. Прямо от двери начинается спуск в воду, окруженную темно-зеленым каменным ограждением, выполненным в виде переплетенных ветвей каори. Я взяла тубик с мазью и втерла в раны на спине, ногах, бедрах и руках, из которых сочилась кровь. Это должно было помочь. Кожу саднило – шипы вырвали ее, обнажив глубокие слои, зато мысли потекли свободно, их ход был прозрачен, словно течение воды.

Что бы ни оставил мне неведомый пришелец, о визите никто не должен знать, иначе любой будет думать, что ко мне можно проникнуть безнаказанно. Это повлечет за собой массу неприятностей – конечно, больше для тех, кто поверит в это, чем для меня, но мне не хотелось тратить силы на глупых юнцов, жаждущих славы. Кроме того, моя репутация не оставляла возможности для незнакомца выбраться из Алого Призрака живым, и она далась мне не просто так. Натерев волосы ароматным мылом, я думала о том, почему незнакомец зывал к Таготу и что значили неведомые строки. Это вполне могло оказаться заклинанием, скорописью магов, каким-то проклятьем, однако я не ощущала ничего, что сумело бы мне повредить. Я не могла прочитать загадочную запись, а раз не могла я, то из Детей Лезвий текст поддался бы только Сэтру и Наставнику.

Может быть, кто-то желал выманить меня, рассчитывая

на любопытство, подстеречь и убить, а может, кто-то хотел сообщить важную весть. Не знаю ни одного существа, у которого могла бы возникнуть подобная нужда. В любом случае, теперь я была гораздо более бдительна, чем обычно, — даже сдувая пену с волос, я внимательно слушала, что происходит вокруг. Вряд ли мошка смогла бы пролететь незамеченной. А может, это была шутка, за которую некто поплатится головой. Я уже придумала, как он умрет.

Смыв мыло, я подождала, пока вода высохнет, бросила бич в очаг и, слегка морщась от боли, поднялась за одеждой. Проникнуть в Алый Призрак можно только магическим способом, причем колдующий должен быть, по меньшей мере, не намного слабее меня, а это уже подразумевает приличный уровень. Я сразу чувствую нарушителя, словно инородное тело в организме, и караю. Никакие магические пассы и шепоточки людской магии не могут удержать меня, когда в душе кипит месть. Значит, это был маг... Насколько мне известно, совершить перемещение в Ущелье Раздора извне до сих пор было невозможно, а значит, маг где-то рядом, если еще не успел сбежать. Найти его нетрудно. Наверняка кто-то его уже поймал, и хорошо, если не прикончил.

Мой шкаф вряд ли можно назвать хранилищем сотен нарядов, потому что одежда меня интересует только с функциональной точки зрения. Набросив на плечи свободную рубашку из темной ткани, я направилась прямо в Главный Зал. Эйлос увидел неровные раны на ногах и отвел глаза. Среди

дарою не было подобных нашей троице, и братья никогда не приходили к зэн. Кровью отвечала только я.

– Ра... – Тарен повернулся, подбирая с пола плащ, и черные крылья на спине пошевелились. – Адепт звал нас на Танец Лезвий. Ты просила напомнить.

Мое имя – Тизраэль, но обычно меня зовут Ра. Ра – боевая кличка, удобное сокращение, которым меня может называть каждый, а родовое (полное) имя произносить запрещается. Это приравнивается к оскорблению, а я особенно щепетильна в данном вопросе. Не стоит позволять трепать свое имя, будто тряпку на ветру.

– Да, я помню. Я позову вас, когда придет время.

Они кивнули, облачившись в плащи, и растворились в тени колонн. Раньше я пыталась разгадать их тайну, но сейчас меня больше интересовал странный поступок неведомого мага. Он должен был знать, что, оказавшись в Ущелье Раздора, обратно не выберется, но все-таки сделал это ради какого-то клочка бумаги. Взбив волосы, чтобы быстрее сохли, я отправилась наверх – сменить одежду на более подходящую случаю. Самое время поторопиться – меня ждал Адепт Детей Лезвия.

* * *

Танец Лезвий – это не бой, хотя во время встречи в Цитадели Стали поединки нередки и поощряются. Многих из да-

ройя можно встретить только здесь, потому что у каждого свой путь, свои заказы, а дружба между членами клана редка. День Танца становится и днем вызовов, днем воплощения самых изощренных замыслов, песней смерти, сыгранной с помощью ударов. Молодые зачастую обнажают мечи против заслуженных мастеров, а кто-то пытается ударить в спину, проверяя реакцию противника и одновременно свою удачу. Однако сам Танец – это ритуал, показывающий, насколько ты чувствуешь оружие, насколько ювелирно ты способен владеть им, слушать биение жизни и предугадывать наступление смерти. Это игра. Демонстрация искусства.

Кроме того день Танца Лезвий – это подведение итогов. Адепт видит, кто на что способен, а наиболее отличившихся удостоивает Ока Смерти. Он единственный, кто не может вызвать на бой никого из Детей Лезвия, ведь он и без того лучший, Сэтр только смотрит и ждет. Он никогда никого не обучает, его дела скрыты туманом – никто не знает, как он дальше идет по Пути. Оспорить его право на власть может любой, но никто этого не делает. Пока ни один из дароёй не готов сразиться с Сэтром, каждый взмах оружия которого – воплощенная в движении музыка, каждая атака – выверена и совершается почти без участия разума. Он всегда успеваеь чуть раньше, и этого достаточно, чтобы труп дерзкого заливал пол кровью в ритуальной фигуре Алфавита.

Мы с братьями спускались вниз, на дно Ущелья Раздоров, погружаясь в густой туман, который постепенно оста-

вался далеко вверху. Лошади осторожно перебирали ногами на крутой тропинке, Эйлос ехал впереди, Тарен – позади меня. Можно было воспользоваться Точками, но я не любила злоупотреблять магией, к тому же поездка тренирует мышцы и делает тело сильнее.

Через пятнадцать минут езды начались буро-зеленые леса, покрывающие большую площадь Ущелья; узкие жесткие листья каори наполняли воздух горьковатым свежим ароматом. Каори растут только здесь, из их плодов делают куаву, сок с добавлением перца и пряностей. Куаву подогревают на жаровне, добавляя немного горького вайна, чуть перца, соли, и в итоге получается густой красно-коричневый напиток, острый, но питательный; он вполне способен заменить пищу и не затуманивает сознание. Изредка из стены каори, больше похожих на очень высокие кусты, чем на деревья, выглядывали кудрявые серебристые ивы.

Ножны с двух сторон бедер били по израненным ногам, и чем дальше мы ехали, тем мрачнее я становилась. Боевые серпы, без которых я не выходила из Алого Призрака, – мое излюбленное оружие. Мне это кажется символичным: ведь Смерть – это жнец, а я – один из ее вестников. Сильнее всего боевой серп напоминает кривой кинжал, но он подлиннее, и клинок загнут немного иначе, более плавно. Серпы тонки, остры, но не погнутся и при прямом ударе. За секунду парой своих я могу легко выпотрошить незадачливого соперника, причем сделаю это в лучших традициях Детей Лезвия. Вы-

хватить их не составляет никакого труда – всего одно движение.

Странно, но на нас никто не напал. Арбалеты братьев и мой лук так и остались без дела, уши не уловили ни одного подозрительного звука – пространство около дороги принадлежало только птицам да мелкому зверью, перебежавшему под кронами, а через час мы уже подъезжали к Цитадели Стали. Дорога, выходя из леса, расширяется (в нее, словно маленькие ручейки, вливаются другие тропинки) и широким полотном затекает в арку, предваряющую вход в большой зал.

Цитадель Стали – это не замок, а высокий сводчатый покой, увенчанный вторым ярусом и окруженный многочисленными комнатками, пристройками для хозяйственных целей. Он сделан из светлого с серыми прожилками камня, а внутри тяжелый потолок поддерживается длинным рядом белых колонн. В отличие от замков даройя, Цитадель Стали не пугает и не удручает, это место, в котором собираются для Танца Лезвий, здесь никто не живет. На стенах изображены символы Алфавита, и каждый может посмотреть на то, как должно рисовать знаки смерти. Ритуальные символы отлиты из лучшего металла и врезаны в стены, поэтому чертог так и назван. Цитадель Стали – это арена и гостевой зал одновременно.

Оставив коней на попечение мальчишки, глаза которого расширились при виде нас, я поправила одежду и вошла

внутри, Эйлос и Тарен следовали за мной. Вход не охранялся, да и глупо было бы охранять место, в котором собираются лучшие из тех, кто когда-либо держал оружие в руках. Длинный светлый зал уже был заполнен пришедшими даройю, они расступались перед нами, слегка опуская голову в приветствии. Пестрые цвета одежд, вычурные украшения, руны, от кого-то даже пахло духами... Проклятье! В воздухе вились волшебные огоньки. Многое изменилось с тех пор, как я была здесь последний раз.

Этрина, разряженного, как наложник Чарующих, я заметила сразу. А вот Лайн – настоящая охотница. Молодежь бездумно копирует ее красивые наряды, но все это лишь утонченная стилизация – ни цепочка, обвивающая шею, ни длинное платье не помешают ей отразить внезапную атаку. В копне волос – стилет, кроме этого светловолосая замечательно стреляет, но ее могущество, в основном, магического характера. Я кивнула ей, как равной. Бородач Дульче что-то рассказывал, размахивая руками, но краем глаза наблюдал за мной – еще один из тех, кто под внешней безобидностью прячет серьезное мастерство. Тоций, очень высокий и вечно хмурый Триэр, прислонившись к колонне, недовольно разглядывал присутствующих. Длинные бледные пальцы стрелка разминали лист вайна, но делал он это машинально, не собираясь подносить труху к губам.

Всего в зале было около двухсот даройя – не так уж много нас осталось. Мне не нравилось то, что я видела, – суро-

вая стройность и строгость законов клана нарушалась. Когда взгляд упал на Элайо из Чарующих, я невольно схватилась за рукояти боевых серпов. Она стояла, держа на поводке пару рабов-людей, и улыбалась узкими красными губами, притягательная, хрупкая и отвратительная. Так вот откуда все эти усовершенствования...

– Я вижу, скромность – одна из твоих добродетелей, Ра.

Этрин появился передо мной, преграждая путь, и презрительно осмотрел мое одеяние. Я не стала спрашивать и ждать, ведь оскорбление – всегда оскорбление, даже если оно прикрыто покрывалом вежливости. Молодой петушок в ярких одеждах чувствовал себя в центре всеобщего внимания после гибели замка Морэя, и я сразу поняла, как его следует убить. Братья, уловив желание, остановились, отступив в стороны, а мои серпы уже впились наглицу в глотку, спускаясь ниже и разрезая две одинаковые линии. Мгновенно вспоров роскошное одеяние, я соединила штрихи внизу, перекрещивая оружие, а потом развела руки в стороны и, пока он падал, всадила серпы под ребра с обеих сторон. Раздва-три. Пнув его, я придала телу траекторию, которая требовалась для завершения фигуры.

Этрин рухнул на спину, руки наглица простерлись по обе стороны от тела, а из разрезов на боках потекли кровавые потоки, словно еще одни конечности, только нарисованные на белом полу. Кровь из горла впитывалась растерзанным воротником и не деформировала символ Алфавита.

– Мы есть рука и орудие, – Эйлос, казалось, улыбался, доставая меч.

– Те, кто судят, и те, кто казнят, – Тарен откинул капюшон черного плаща, расшитого внизу серебряной нитью.

– Крылья птицы, чье имя Смерть.

Я с удовлетворением стряхнула кровь с серпов, завершая ритуал.

Эхо в Цитадели Стали громыхнуло, отражаясь от высокого потолка и стен. Он был убит в горло, исторгшее оскорбление, и теперь лежал в виде знака, означавшего в Алфавите справедливую месть. Гордость за содеянное переполняла меня, хотя из-за быстрых движений раны на спине открылись – рубашка слишком близко прилегала к телу. Раздались сдержанные хлопки, которыми дароёо приветствуют чужую удачу; Лайн подарила мне восхищенный взгляд, Триэр удовлетворенно крикнул.

– Вы не изменили слова ритуала.

Адепт Детей Лезвия уже стоял рядом, и я чувствовала, что совершенное мной убийство ему по душе.

– Ничто не может заставить меня изменить семейную молитву.

Я убрала серпы в ножны, вытерев их о красивый камзол Этрина.

– Даже слова Адепта? – скользнули по мне ярко-синие глаза Сэтра.

– Ничто, – повторила я, смело встречая взгляд и чувствуя,

как настроение улучшается.

– Я вижу, что значат для тебя традиции, Ра, – он усмехнулся. – Уверен, что ты соблюдаешь все правила до одного, и также я вижу, что тебе не нравятся изменения, происходящие здесь.

Эйлос и Тарен неподвижно стояли позади, наблюдая за ходом разговора. На их лицах не отражалось ни одной эмоции – ни на широкоскулом, смуглом лице Тарена, ни на более аристократичном, мягком Эйлоса, только темные огоньки глаз сверкали из-под капюшонов. Если кто-то пожелает напасть на меня, они предупредят.

Я не ответила, уставившись на Элайо, которая решила подойти. Изящная ладошка с длинными ногтями легла на плечо Адепту, а голос пропел:

– Это было красиво...

Думаю, мы представляли собой разительный контраст. Не будь рядом Адепта, гостем которого являлась томная Элайо, я бы убила ее, не задумываясь, но сейчас мне оставалось только молчать.

Я замерла, сдерживая вполне естественное желание, – в тесной черной рубашке с поднятым воротником, обшитым серебром, в узких штанах и высоких сапогах со стальными полосками на каблуках. Лук и ножны из черной кожи, на которых были выжжены знаки Алфавита, завершали картину. Темные волосы, недлинные и непослушные, растрепал ветер. Элайо же была закутана в разноцветные шелка, роскош-

ная грудь привлекала взгляд, словно картина, обрамленная красивой рамой. Ярко рыжие волосы искрились, каждое движение – соблазн, каждый шорох одежд – зов и обещание.

Я отвела взгляд, чтобы не испытывать судьбу, – редко кто способен долго противиться Чарующим. Гибкая, с тяжелыми бедрами, нежной кожей и хитрыми похотливыми глазами, которые наблюдали за мной. Некоторые отказывают им в уме, но я знаю, что это заблуждение; по крайней мере, Элайо преследовала какие-то иные цели кроме постоянной гонки за наслаждениями, присущей их клану.

Одна ее рука покоилась на плече Адепта, пальцы другой сжимали поводки двух людей-игрушек, цепных псов, готовых выполнить любое пожелание. Первый был очень похож на менестреля – с маленькой бородачкой, кудрявой головой и яркими губами, а другой выглядел намного старше, в нем ощущалась некая сила. На щеке мужчины была вытатуирована или нарисована черная молния, жесткие волосы топорщились, словно щетка. На мой взгляд, он не вполне был поработан чарами Элайо и теперь присматривался ко мне, непочтительно поднимая голову.

– Ты рассержена, Ра... – заметил Сэтр.

– Пути Адепта – темная тропа для остальных, – механически ответила я, пытаюсь оставаться бесстрашной.

– Верно, – согласился Адепт. – Ты заслужила Око Смерти.

Он был одет так же строго, как и я. Сэтр выглядел очень молодо и, если бы я не видела его в деле, никогда не запо-

дозрела бы в нем лучшего из Детей Лезвия; светловолосый и синеглазый, подтянутый, высокий и невыносимо нахальный, он всегда привлекал внимание. Думаю, ему бы больше подошел пост в Совете Беара, чем ответственность за наш клан, – тамгодились бы и лоск, и любовь к эффектным сценам, но случилось так, как случилось.

Сэтр выдержал паузу, проверяя мое терпение. Эйлос сменил позу, Элайо послала ему страстный взгляд, и я едва сдержалась. Кошунство, подобно козлу в храмах Светлого Бога Беара или распутнику в монастырях Бригитт. Ладони лежали на рукоятках серпов, и их прохлада успокаивала меня. Наконец, он заговорил.

– Сегодня в Ущелье поймали мага. Поймали его рядом с твоим замком, Ра. Не поверю, что ты ничего не заметила, поэтому хотел узнать, что он успел сделать, прежде чем попал в руки Элайо. Люди становятся все более навязчивыми и невыносимыми.

Ничто не дрогнуло на моем лице.

– Все было спокойно этой ночью. Только замок Морэя сгорел по вине Этрина. Ничего особенного.

– Тарен? – Сэтр устремил взгляд на брата, но тот только качнул головой.

– Эйлос?

Ответа опять не последовало. Братья всегда поддерживали меня.

– Что ж, – Адепт отвернулся, привлекая внимание осталь-

ных. – Тогда нет причин, по которой настырный человек не может доставить нам удовольствие. Пусть начнется Танец Лезвий.

Не думаю, что он мне поверил – Адепт слишком проницателен для этого. Элайо отпустила один поводок, и мужчину с молнией на щеке вытолкнули в середину зала. Так значит, это был тот маг, что проник в мой замок и оставил загадочные письма... Теперь я никогда не узнаю, зачем он это сделал – после Танца Лезвий он разговаривать уже не будет. Одуревший от чар рыжеволосой ведьмы человек постепенно приходил в себя, но для него лучше было бы как можно дольше угождать своей повелительнице – скоро ему придется испытать боль, подобной которой человек никогда не знал прежде.

Сэтр воздел руки, начиная ритуал, и дароюя расступились, образуя круг подле незадачливого мага. Братья встали рядом со мной, скидывая капюшоны и обнажая оружие. Они всегда любили эту забаву, меня же терзали мысли, от которых предстоящее действие не казалось столь привлекательным. Почему маг не сказал, зачем пришел? Почему не выложил все о том, что оставил в Алом Призраке? Поведение людей предсказуемо, а здесь виднелась нелогичность. Сэтр умел спрашивать, но маг промолчал. Может, Адепт решил наказать меня за ложь чуть позже, заинтересовавшись ненужной скрытностью.

Заклятье круга завершилось, и теперь пленник может

выйти отсюда лишь по одному пути – пути, ведущему к Смерти. Любопытство и беспокойство отступали по мере того, как Адепт повторял слова литании. Я старалась не видеть жадный взгляд Элайо, для которой открывали тайну Танца Лезвий, погружаясь в монотонные слова. Рубашка прилипла к ранам и, стоило мне пошевелиться, отрывалась от тела с отвратительным тихим звуком. Все смотрели наверх, ожидая знака – в Танце участвовали лишь те, на кого указывала Смерть; спустя миг у меня в глазах помутилось, а потом я увидела руку Серой Леди, приближающуюся ко мне... Меня выбрали.

В такой момент глаза становятся черными, словно толченый уголь, и все остальные отходят от участников. Любой, кто попробует начать Танец Лезвий, не увидев знака, сам становится жертвой. В этот раз осталось десять даройя, среди которых был и Тарен, лица некоторых из них ни о чем мне не говорили, но Дульче и М'сада я знала. Последний выглядел, как седой старик, но был крепок, жив и опасен. Ему нравилось походить на старца.

Первый удар нанес Тарен, разрезав одежду на спине пленника, но не оставив следа на теле. Маг обернулся, и его тут же встретил мой серп, срезавший небольшой клочок волос с головы. М'сад распорол рукав мага, молоденькая девушка попыталась разрубить мечом пояс жертвы, но сделала это чересчур нежно, и оружие просто соскользнуло. Первая осечка. У следующего даройо получилось лучше, и штанина мага

оказалась разрезанной надвое, как раз по шву. Он крутился, глядя вокруг, пытаясь защититься, но во взгляде уже появлялось понимание близкой участи. Сэтр громко читал слова литании, следя за игрой.

Смысл Танца Лезвий заключается не в конечной гибели жертвы, а в том, чтобы нанести максимальное количество виртуозных ударов, не убив ее. У мага не отобрали оружие, он мог оказывать сопротивление, мог сразиться с кем-то из нас, но задачей оставшихся в круге было не его уничтожение, а как раз как можно более долгое продление жизни человека. Тот, кто нанесет последний удар, проиграл. Одежды на маге уже не осталось. Он бросился на М'сада, но тот легко отразил атаку, поцарапав запястье человека. Совсем слабо, почти незаметно.

Каждый из нас атаковал в ритме литании, ни у одного не было времени больше, чем у другого. Человек уже пришел в себя, он пытался спровоцировать кого-нибудь из нас, чтобы прекратить мучения, и я удивилась его мужеству. Он не выл, не просил пощады – он принял правила и играл, как и мы, хотя страх сковывал движения. Тарен оставил царапину на спине мага, из нее потекла кровь. Теперь Танец пойдет быстрее. Откуда-то раздавался грохот барабанов, маг уворачивался, танцуя последний раз в этом мире. Мне хотелось спросить его, что значила записка, но мысли уничтожались звуками игры – тяжелым дыханием, легким звоном оружия, едва заметным треском распарываемой кожи, тихим, очень

тихим... И голосом Сэтра, неумолимым и настойчивым.

Маг сделал выпад, я уклонилась, проскользнула под рукой и нанесла рану на бедре. Темп убыстрился, теперь Адепт вы-плевывал слова, они частили, словно капли ливня. Бам-бам-бам... Барабаны рокотали, вторя ритму литании, усиливая его, и даро́й металась вокруг окровавленного человека, вы-черчивая каждый свой рисунок. Маг пошатывался, он устал, но не переставал сопротивляться. Один раз ему даже удалось задеть опоздавшего юнца ножом, но это была единственная победа. Черная молния скрылась под сетью царапин.

Движения-штрихи, каждое из которых оставляет болез-ненный след. Кровь заливала мага глаза, но он все еще стоял, не бросая попытки защититься. Удары-укусы серебристых лезвий настигали его все чаще, становились больше – иг-ра подходила к своему завершению. Почувствовать, сколь-ко осталось в нем жизни, – вот основная задача Танца Лез-вий, и я поняла, осторожно поцарапав серпом его позвоноч-ник, что жить мага осталось не так долго, Кто-то срезал моч-ку уха, М'сад отрубил ладонь человека, и тот выронил ору-жие...

– Я не боюсь умереть, – внезапно сказал он, разрушая неожиданными словами ход литании, и посмотрел на меня.

Барабан громыхнул, а Сэтр повысил голос, проговаривая названия букв Алфавита. Моя очередь и момент приблизить пленника к смерти сразу на одну ступень. Его взгляд впился в меня звездой с острыми краями; не стоило заставлять че-

ловека ждать. Острия серпов погрузились в виски, но не настолько глубоко, чтобы он умер сразу. Я с силой выдернула оружие, и маг упал на колени, сжимая голову руками.

– Поторопилась, – М'сад неодобрительно нахмурился, почти ласково очертив лезвием дугу на теле незнакомца.

Круг окончился на девушке – маг умер. Сэтр прервал чтение, на зал опустилась тишина. Танец Лезвий завершился, и победителем был М'сад. Он не сказал ни слова, но недвольный взгляд значил больше, чем слова, – даройо отлично понял, что я хотела закончить игру быстрее. Тарен спрятал смертоносные длани и пошел за плащом. Судя по тому, как смотрели на нас остальные, зрелище оказалось достойным, оно многому научило их, а смелость жертвы придала ритуалу еще больше силы. Однако Сэтр тоже видел мою поспешность и теперь наблюдал.

– М'сад заслужил Око Смерти, – громко возвестил Адепт. – Танец окончен.

Это означало, что теперь каждый мог начать поединок или просто отдохнуть, вспоминая детали Танца и извлекая из произошедшего ответы на вопросы. Как правило, знак видели лучшие, а наблюдать за тем, как владеют оружием мастера – истинное удовольствие.

Молодежь засуетилась с подносами, а я подошла к труп, который накрывали красным ковром прислужники. Обычный человек, ничего особенного, да теперь слишком сложно понять, были ли какие-то отличительные черты в самом

начале. Смех Элайо разносился по Цитадели звонкими колокольчиками, от него по позвоночнику бежали мурашки. Я окунула пальцы в кровь мага, и тут он дернулся. Проклятье!

– ...пьяная волчица...

Оказывается, маг приберег для меня еще один сюрприз, но оскорбление меня не тронуло. Мертвец снова стал мертвецом, действие заклятья закончилось.

– Он не был мертв?

Я встретилась взглядом с Эйлосом, который с интересом рассматривал закрытый ковром труп.

– Был, – я поднялась, задумчиво осматриваясь, но больше никто ничего не заметил. – Это не голос выжившего человека, это голос духа. Его последнее заклятье.

– Странные слова, – брат убрал с моего лица растрепавшуюся прядь.

– Да... – согласилась я. – Заклятье именно для меня. Не понимаю, что происходит, брат.

– Поймешь.

Братья никогда не сомневались во мне. Тарен опять стоял рядом, невозмутимый и суровый, но он был доволен, это чувствовалось. Прислужник (молодой даройо, еще не закончивший Обучения) поднес мне чашу с куавой, и я отпила несколько глотков горячего варева. Приготовлено на славу – ну, хоть что-то тут делается в соответствии с традициями.

– Это был хороший Танец, – вдруг сказал Тарен. – К тому же, ты отомстила за осквернение Алого Призрака.

Мы помолчали некоторое время, глядя на поединок хму-рого Триэра с Диру, девушкой-Звездой. Похожий на при-видение, тощий и угрюмый лучник постоянно пытался ее превзойти, но то ли не очень хотел, получая удовольствие от самого процесса схватки, то ли просто не мог. Смерто-носный ветер стрел с тяжелыми наконечниками разбивался о ее защиту – Диру играючи ловила их или отбивала малень-ким щитом, успевая выпускать веер стальных звездочек, ро-ем атакующих любителя вайна. Триэр уклонялся, перекаты-вался – и снова начинал атаку, срывая тетиву. Похоже, ему нравилось смотреть, как юная Диру, одетая в коричневую кожу, сдвигает брови, сосредоточиваясь на летящей угрозе. Остальные с интересом наблюдали за умениями воинов.

Девушка-Звезда одна из немногих не обрезала волосы, за-плетя их в две длинные каштановые косы, поэтому выгляде-ла на удивление женственно и мягко; ее прозвали так из-за стальных зазубренных звезд, которые ей нравилось метать в противника, хотя излюбленное оружие воительницы – лук, как и у Триэра. У каждого из нас есть оружие, к которому он не равнодушен, однако это не мешает хорошо владеть лю-бым. А уж ловить стрелы умеет каждый, только в лучшей или худшей степени.

В их поединке была душа. Несмотря на то, что Триэр не собирался убивать девушку, вряд ли кто-то мог назвать схватку шуточной и – более того – немногие смогли бы это повторить. Адепт хитро щурился, подбадривая Диру,

остальные подшучивали над лучником или восхищенно молчали, у самого входа закипела другая битва, и все было бы правильно, если бы не Элайо.

Ее присутствие раздражало меня, как раздражает рану грязь: именно ее присутствие объясняло все послабления, всю лишнюю мишуру и отвратительный запах духов, щеко-тавший мне ноздри. Сэтр был главой клана, но мне казалось, он приведет его к гибели. Меч не может быть острым, если его не чистят, убийца не может видеть красоту Смерти, если позволяет себе лень и неосторожность. Каждому слову в Заповедях было основание. Дети Лезвия – это охотники, а сильный запах, яркие краски и разболтанность – атрибуты жертвы. В картине не может быть лишних деталей: если убрать что-то одно, она теряет очарование; если сломать маленький винтик из часов, они развалятся. То же самое и с традициями клана. Несоблюдение их – путь к саморазрушению, но Сэтр, похоже, думал иначе.

Элайо присела на край лестницы, поджав ноги и поглаживая козлобородого менестреля, который щурился и дрожал мелкой дрожью от удовольствия. Огонь волос окутывал женщину ярким ореолом. Чарующие не только мастера плотских утех, с помощью которых они порабащают, это лишь одна сторона. Сильный духом вполне способен отказаться от их предложений и избежать тягучего влечения, хотя это и непросто, но вот противостоять хитрости Чарующих намного сложнее. Для них истинным удовольствием являет-

ся заставить человека или даройо сделать то, что он делать не собирался, – нарушить обет, посетить запретную территорию, не выполнить наказ Адепта. Выдать тайну, например. Поэтому видеть здесь Элайо мне совсем не хотелось – лишь избранные могут уйти, повернувшись к ней спиной, а другие открыты влиянию.

Она заметила мой взгляд и поднялась, направляясь к колонне, возле которой устроились мы с братьями. Плавная, неторопливая походка, во время которой рыжеволосая соблазнительница будто плыла по белому полу. Воплощенное искушение. Мои серпы сами просились прыгнуть в ладони и отправить ее к праотцам.

– Ты стоишь на черте, – вместо приветствия сказала она, краем глаза проследив полет стрел Триэра.

Я подумала, что лучше всего будет промолчать, чтобы не испытывать собственное терпение. Братья ощутили мою ненависть и напряглись.

– О. У тебя два пса, как и у меня, – рассмеялась Элайо.

В одно мгновение острия серпов уже находились у ее груди, чтобы вырезать сердце, но я остановилась. Мне стало понятно, чего она добивается, – чтобы я нарушила запрет и навлекла на себя гнев Адепта. Я прокрутила рукояти серпов полукругом и вложила их обратно в ножны.

– Не имею привычки делать то, чего навязчиво желают другие. Если хочешь умереть, прими яд.

– Почему яд? – отшатнулась от меня Чарующая.

– Чтобы никто не марал свою сталь.

* * *

Неверно было бы думать, что сила даройя лежит в умении владеть оружием. Среди людей попадаются замечательные мечники или стрелки из лука, но это не делает их Детьми Лезвия. Человек может отразить летящий в него клинок, но он никогда не почувствует опасность за сотни шагов от себя, не услышит слабый звон спущенной тетивы, не поймает стрелу, даже не оборачиваясь в сторону атаки, и не ощутит запах врага. Кроме того в каждом из даройо находится магия, но она не искусственна, не приходит извне – она словно капля, добавленная в нашу кровь. Концентрируя эту магию, можно усиливать то или иное чувство, улучшать реакцию, предчувствовать. Никто из людей не способен видеть красоту Смерти, улавливать ее желания, делать гибель жертвы прекрасной. Они просто убивают, чтобы удовлетворять нужду в еде, золоте или просто утихомиривать ненависть и алчность. Дети Лезвия – художники Смерти, рисующие убийством.

Противник должен быть силен, необычен, бой с ним должен научить чему-то, открыть новую грань в познании искусства плести гибель. Иногда это похоже на озарение – все обстоятельства складываются в погребальный костер жертве, смотришь – и видишь, как это должно случиться. Иногда

это воздаяние, иногда – удовольствие. Каждый даройо сам чувствует, когда настало время применить оружие; чем дальше продвигаешься по пути совершенствования, тем меньше противников остается, и тем более сложные задачи выбираются. В любом случае, с каждым убийством узы Серой Леди становятся крепче: ведь буквы Алфавита рисуются для нее, каждая капля крови падает в соответствии с завещанным ритуалом.

Если в выборе жертвы или в способе убийства была допущена ошибка, после завершения ритуала в душе остается лишь пустота, что-то отмирает, и даройо уединяется в замке, наказывая себя и тренируясь до тех пор, пока не будет готов к следующему шагу. Ошибаться в выборе жертвы позволено три раза, не больше, иначе Адепт убивает неспособного, который не может ощущать токи иного мира. Но такого на моей памяти не случалось – чутье обычно не подводит. Выбор способа – это свободный поиск, тут ограничений нет. В случае правильного выбора слова ритуальной молитвы принимаются, и внутренняя сила растет. Это краткий восторг, словно в кровь добавили еще каплю магии. Такими нас создали Серые Боги.

Заказы людей выполняются далеко не всегда. В основном, к воротам приходят посланцы от аристократии Беара или из других городов, потому что никто не может лучше выполнить желаемое, чем Дети Лезвия; их просьбы рассматриваются только тогда, когда существует возможность с помощью

исполнения роли наемного убийцы продвинуться по Пути и, конечно, когда оплата достойна.

В любой другой день я бы ушла сразу после Танца Лезвий, ведь поединки остальных меня интересуют мало, но в этот раз мне хотелось увидеть Наставника. Из всех даройо только Сэтр и Наставник могли знать, что написано на клочке бумаги, оставленном мне строптивым магом. Эта загадка не давала мне покоя – колдун оказался в Ущелье для того, чтобы передать мне послание, но самое странное заключалось в том, что он вспомнил имя отца. Я не представляла, кто и зачем мог доверять мне какие-то тайны. Но, по крайней мере, осквернение Алого Призрака было отмщено.

Мы вышли из зала и остановились около арки, ожидая окончания поединка Триэра и Диру. Судя по возгласам, лучнику так и не удалось пробить защиту девушки-Звезды, но все остались довольны. Ветер изредка пробегал по затихшим темно-зеленым кронам, сумерки постепенно становились гуще, а струи тумана наверху тяжелели и свивались между собой. Наставник приходит в Цитадель Стали под вечер, он не любит шума схваток и кровавого исступления Танца Лезвий; его интересует только Око Смерти. Наставник – мастер тай-су, и каждый из нас учился у него.

– Ра, – Триэр вышел из зала, вешая за спину лук. – Мне нужно с тобой поговорить.

Эйлос и Тарен почти скрылись в тени, закутавшись в плащи и не шевелясь. Черный Лучник, как еще называли Три-

эра, рассеянно скользнул по ним глазами, хотя заметить их сейчас смогли бы немногие, и я только одобрительно хмыкнула.

– Что-то случилось? – я подняла бровь и присела на невысокую ограду, изображавшую свившихся в схватке древних змеев. Спина и бедра нещадно болели – кажется, из ран снова выступила кровь.

– Ты сама видишь это, Ра, – лучник нахмурился еще сильнее, чем обычно, и махнул рукой на Цитадель Стали, словно предлагая мне вспомнить то, что там происходило. – Мне кажется, Адепта нужно остановить, пока маленькие послабления не превратились в большие беды.

Слова, сказанные негромко, в окружающей тишине прозвучали очень четко. Братья встрепенулись и посмотрели на меня, теряя безразличие, снова становясь видимыми.

– А чем я могу тебе помочь? – равнодушно спросила я, пошевелив истерзанными плечами.

– Ни для кого не секрет, что если у кого-то получится вызвать Адепта на поединок и победить, то только у тебя. Именно поэтому я хотел предупредить – не показывайся в Беаре, особенно с братьями – тебя легко узнать. Убийство Кайна Тревора, которое поручил тебе Адепт, разозлило горожан, они снова хотят пойти к воротам и ворваться в Ущелье.

– Я не боюсь горожан, – я взглянула на пальцы.

Триэр хотел что-то сказать, но остановился, мрачней все

больше и больше.

– Конечно, ты не боишься... Проклятье! Но существует множество способов поймать тебя, не вступая в бой.

– Ты волнуешься за меня? – я посмотрела ему в глаза, не понимая, отчего Черный Лучник забыл про хваленое спокойствие; мне не нравилась его догадливость.

– Я волнуюсь из-за возможности потерять шанс отправить Адепта к Серой Леди, – ответил Триэр, снова обретая невозмутимость. – Ты скоро выйдешь на уровень, который позволит тебе сразиться с ним, – намного быстрее, чем все остальные, – поэтому будь осторожна. Мне кажется, Сэтр тоже прекрасно это понимает. Есть разные возможности помешать тебе достигнуть нужной степени.

Он помолчал, не ожидая ответа, а потом зашагал прочь, неслышно ступая по земле. Через миг он уже скрылся в лесу, растворился в нем, будто дух. Выходит, не одной мне не по душе порядка Сэтра, но почему-то эта мысль не доставляла удовольствия. Неужели Триэр догадывался о моих маленьких прогулках в Беар? Я бы предпочла ошибиться.

В зале Цитадели тем временем завершились серьезные поединки, и даройо один за другим выходили и уезжали прочь. Заметив нашу троицу у входа, некоторые приветствовали меня, некоторые неодобрительно хмыкали, но только рыжий гуляка Джей решил подойти. Я не знаю, каким образом ему удавалось остаться в живых до сих пор, ведь Джей постоянно пропадал в кабаках Беара и Шойары, города, рас-

положенного на западе от Ущелья Раздоров. У него не было собственного замка, но он от этого ничуть не страдал. Не знаю, почему его до сих пор никто не убил. Очевидно, удача хранила его. Сам он тоже не часто применял оружие, изредка потроша воришек, которые имели неосторожность залезть к нему в карман, но примерно раз в месяц он появлялся и выполнял все ритуалы разом, то истязая себя до беспамятства, то тренируясь, чтобы не потерять форму.

– Эй, Ра, – казалось, он занимает все пространство, в котором находится. – Я видел, как ты поступила с Этрином. Пусть обглодают мою печень Серые Боги, если это не было красиво! Мы тут как раз поспорили с одним приятелем, и он сказал, что без своих братьев... – тут Джей понизил голос. – Только не кипятись сразу... Что без братьев ты почти ни на что не способна.

– Ты хочешь, чтобы я отрезала наглецу голову? – я почувствовала, что устала.

– Нет, – расхохотался Джей. – Я хотел сказать, что благодаря твоему сегодняшнему ритуалу выиграл кучу денег. Поэтому за мной услуга.

– Не думаю, что ты можешь мне что-нибудь предложить, – усмехнулась я. – Но я запомню.

– Ты недооцениваешь меня, Ра, – он провел пальцами по голове, пытаясь пригладить непокорные вихры, и развернулся, чтобы уйти.

– Подожди, – вдруг вспомнила я. – Что такое «пьяная вол-

чица»?

– Пьяная волчица?... – Джей поморщился, переминаясь с ноги на ногу. – И кто сказал тебе такое?... Э, ладно, я просто поинтересовался. Честно говоря, это что-то мне напоминает, но вдруг вылетело из головы.

– Ладно, – я махнула рукой, поднимаясь с ограды и возвращаясь в зал, чтобы выпить куавы.

Братья исчезли, оставив меня одну, но я почему-то испытала от этого облегчение. Что-то привлекло их внимание – может, знакомое лицо, может, они следовали за кем-то, играя и дразня, не показываясь, но в то же время позволяя себя услышать, а может, просто решили развлечься, потому что я не чувствовала в них нужды.

Я не знаю, откуда они появились, и мне это неинтересно. Я не из тех, кто готов целыми днями решать неразрешимые загадки, а братья столько раз доказали мне преданность, что всякие вопросы становятся бессмысленными. В Ущелье Раздоров никогда не было ничего подобного нашей с ними связи – в тот момент, когда я завершила Обучение, они появились, и отец разрешил им остаться. Тагот славился не только своими умениями, но и своими похождениями; не знаю, кто дал жизнь Эйлосу и Тарену, но они находятся в двух мирах одновременно. Они – полутени, которые полностью материализуются лишь тогда, когда мне нужна их помощь; желания братьев мне неведомы, их поведение часто непредсказуемо, но в одном я могу быть уверена – в том, что они всегда будут

меня защищать.

Они очень похожи друг на друга – черноглазые, быстрые и... насмешливые. Иногда мне кажется, что во всем, что они делают, они находят особый, только им понятный смысл. Братья связаны друг с другом сильнее, чем со мной, даже женщину они выбирают одну, но разница между ними бросается мне в глаза, хотя объяснить ее словами я не могу. Эй-лос более отстранен, более аристократичен и более жесток, Тарен же иногда очень нежен, хотя лицо его будто вытесано из камня, а смертоносные ладони убивают одним прикосновением; они переходят один в другого, играют в неясную ни для кого игру, исчезают и появляются. Братья любят скрывать лица под капюшонами черных плащей с фамильной алой птицей на спине, их тела очень похожи, а настроение постоянно ускользает от того, кто старается понять, что у них на уме. Мы неразделимы.

Мне также неизвестно, как они проходили обучение, но их умения не уступают моим. Каждый даройо одновременно и воин, и лекарь, и мастер пыток, и охотник, но одна из наших главных особенностей – искусство тай-су. Тай-су – это способность концентрировать магию, заключенную в нас, кратковременно делая участки тела очень твердыми. Направляя растворенную в нас мощь, можно выдержать удар мечом и не получить даже царапины, можно проткнуть противника насквозь сжатыми ладонями, собрав и сфокусировав рассредоточенную силу. Все зависит от скорости реак-

ции и от умения предугадывать движения противника.

Людам мы кажемся неуязвимыми, потому что они не понимают механизма битвы с применением тай-су, но некоторые из них могут достигать подобных результатов, тренируя волю и тело. Безоружный даройо способен победить вооруженный отряд и не пострадать при этом. Все зависит от того, насколько точно он оценивает ситуацию, насколько он быстр и насколько смертоносны и точны его удары, а эти умения приходят с опытом.

Как раз тогда, когда Адепт собрался начинать церемонию Ока Смерти, Наставник появился и улыбнулся, скромно встав в стороне. Его можно было бы не заметить, если бы не уверенная походка, которая контрастировала с внешностью обычного крестьянина средних лет, давно забывшего о том, что такое бой. Говорили за себя и его глаза, хитрый прищур которых прятал стальной блеск. Волосы он всегда убирал в тугую косичку, одежду носил простую, а из оружия не брал ничего. За то время, которое я его не видела, Наставник совсем не изменился. В последнее время я слышала, что он принял обет молчания, чтобы дисциплинировать свой дух; если это правда, моя задача становится еще труднее. Наставник поприветствовал всех присутствовавших кивком, и церемония началась.

Трудно объяснить смысл Ока Смерти чужим. Для всех, кроме даройо, эта церемония не имеет смысла, да и вряд ли кто-то другой выживет после нее – это единение, настрой-

ка на линию гибели, проникновение в мир, где начинаются владения Серой Леди. Отец говорил мне, что весь мир пронизывают линии творения, вдоль которых все растет и наполняется силой, и линии гибели, ведущие к финалу. Тогда Око Смерти – это следование вдоль линии гибели до ее конца с тем, чтобы увидеть, что скрывается там. Этот путь невозможно контролировать, Адепт может только вытолкнуть тебя и оставить в постоянно плывущем и изменяющемся видении. Некоторые просто теряют сознание, некоторые устаиваются того, чтобы увидеть саму Смерть, иные бродят в сумерках, а избранным она что-то показывает... Нет награды выше этой. Это величайшее испытание смелости и стойкости; недостойные просто не возвращаются обратно. Это непередаваемый экстаз, который хочется ощущать снова и снова, и тягучий ужас, который замораживает кровь. Борьба с тем, что неизмеримо сильнее тебя, – вот лучшая награда для даройо.

Я не поняла, что случилось. В этот раз все было как-то иначе – я даже не осознала момент отделения, просто картина изменилась, и перед глазами оказалась бесконечная пустыня, над которой медленно перемещались низкие, на уровне коленей, змейки тумана. Обычно обращаешь внимание на то, что делает Сэтр, но в этот раз я не слышала ни одного его слова, я не видела даже ритуальной воды котла, – я просто провалилась во владения Серой Леди. Вокруг было тихо. Пепельно-серый песок, небо, устланное полосами об-

лаков, и ни одного звука.

Я огляделась, попыталась сделать шаг, но это мне не удалось. Воздух сгушался, откуда-то вдруг появилось ощущение угрозы... Ни одного подозрительного движения, ни одного изменения цвета или шороха, но с каждым мигом во мне нарастал ужас, трепет перед чем-то, что нападает тогда, когда я не ожидаю, и это было невозможно контролировать. В жизни даройю не свойственно испытывать сильные чувства – они отвлекают от цели, а сейчас все эти сомнения, комок непрожитых страхов и плохих предчувствий вдруг навалился тяжелой волной.

– Ради Тагота... – прошептала я, начиная бороться.

В небе появилась точка. Она росла, приближалась, превратившись в серебристо-серого сэйфера, который опустился прямо передо мной. Туман зашевелился быстрее, будто встревоженный клубок змей. В насмешливом взгляде посланника заключалась постоянная ирония, с которой они относились к своим поручениям; земля вспыхнула, покрываясь огненными буквами. «Убей себя»...

– Ра? – Наставник склонился надо мной, по привычке нажимая на точки, приводящие в чувство. Выходит, он все-таки не давал обета молчания.

– Я здесь... – скрыть удивление мне не удавалось.

– Смерть отпустила тебя опять, чтобы ты исполняла ее волю, – монотонно произнес Сэтр, а я встала с пола.

М«Сад еще бродил в своих видениях, вода в котле бурли-

ла. Обычно Око Смерти говорило мне, как достигнуть следующей ступени, иногда Смерть показывала мне идеальный способ убийства, а один раз – будущую жертву. В этот раз я недоумевала.

– Вижу, тебе показали что-то особенное, – мягко проговорил Наставник, отводя меня в сторону.

– Да, – кивнула я. – Я хотела спросить тебя об одной вещи, Отец.

– Что-нибудь секретное? – лучисто сощурился он, идя со мной к выходу. – Неужели ты решила испробовать себя в интригах?

Мы поклонились Адепту и покинули Цитадель Стали. Братья встретили меня у входа, привычно заняв места чуть позади и запахнув плащи; около конюшни я достала скомканный листок бумаги и протянула его Наставнику:

– Мне нужно знать, что здесь написано.

Он взял записку мага, расправил согнутые края и начал внимательно изучать текст. Через некоторое время Наставник вернул ее обратно, покачав головой:

– Странно, но этот язык мне неведом. Он очень похож на скоропись магов Беара, но все-таки это не она. Трудно сказать... Вероятнее всего, это местное наречие, которое знает лишь отдельная группа волшебников.

Я сдержанно поблагодарила и вскочила на лошадь, торопясь в Алый Призрак, чтобы успокоиться, потренироваться и обдумать все, что я узнала сегодня. В Ущелье Раздоров

происходили необъяснимые вещи, и я должна разобраться, в чем дело. Прежде чем я успела пришпорить лошадь и исчезнуть во тьме, Наставник удержал меня:

– Думаю, ты должна заплатить мне за услугу, Ра. Так будет честно. А я сохранию наш разговор в тайне. Скажи, что ты видела? – он лукаво улыбнулся, прищулив глаза.

– Я видела сэйфера, который принес приказ совершить самоубийство, – холодно ответила я. – Вернее, огонь написал «Убей себя»...

Наставник задумался и отпустил поводья лошади.

– Не всегда указания нужно понимать прямолинейно. Если бы она хотела забрать тебя, то сделала бы это сама.

Слова успокоили меня. Наставник никогда ничего не делал просто так, и довольное лицо говорило, что умирать мне пока не стоит. Если бы не он, сегодня я выпустила бы себе кишки в знаке «Служение». По крайней мере, детали уже начали появляться в голове. Тарен коснулся меня, приводя в чувство, и мы поскакали прочь.

– Спасибо, Отец, – я махнула рукой и приникла к шее лошади, намереваясь добраться до замка как можно быстрее.

Ветви каори скрыли нас от наблюдателей, а спустя некоторое время темнота обернулась вокруг непроницаемым покровом. Лес Ущелья Раздоров ночью для многих непроходим, но братья легко находят дорогу, а я следую за ними, ориентируясь по звуку, чтобы не тратить силы зря. Иногда тьму рассеивали стайки маленьких светлячков, суеющих

над поваленным деревом, или от воя идущего отдаленной тропой зверя глаза вдруг заливало красным, но больше мрачное величие леса не нарушалось ничем, разве что колдовскими огоньками, которые появлялись около стволов серебристых ив, лукаво подмигивая, а потом исчезали.

Алый Призрак поглотил нас, захлопнув ворота, и братья снова куда-то исчезли. Не хватало горячей куавы и куска хлеба с хорошо прожаренным мясом, а еще – недолгого освежающего сна. Следующий день будет тропой поиска ответов, а сейчас мне хотелось потренироваться, посмотрев на то, как пляшут отблески огня на стали серпов, и поспать. Услышав шорох крыльев, я инстинктивно уклонилась, но это был не сэйфер, несущий мне смертельное известие, а всего лишь один из боевых соколов Джея. Выходит, бродяга сумел найти способ отблагодарить меня за выигранные деньги.

Птица мне понравилась, хотя обычно я отношусь к ним холодно. Небольшой, увертливый, с тяжелым острым клювом и зловещими красноватыми глазами (Джей, как и многие из нас, считал, что спутник Детей Лезвия должен устрашать), он сразу удобно устроился на протянутой руке, спрятав когти, которыми легко можно было бы лишить зазевавшуюся жертву глаз, и затих.

Джей всегда хорошо тренировал соколов, а у этой птицы к тому же была необычная окраска: черный, словно взгляд избранного на Танец Лезвий, с грязно-белой ниточкой оперения на крыле, похожей на серебристую нить. Забери ме-

ня Серые Боги, если это не было похоже на окантовку моего одеяния! Впервые за сегодняшний день после смерти Этрина я довольно хмыкнула. Что бы ни хотел передать с посланцем Джей, ему удалось кратковременно меня порадовать. Я качнула рукой, и сокол тоже покачулся, пытаюсь удержаться. Сильные крылья, поджарый и спокойный.

Я сняла с ноги бумажку, посмеявшись такому непрактичному способу присылать сообщения, но все-таки, стоит признаться, слегка очарованная.

«Я вспомнил, что такое „пьяная волчица“. Это трактир в Беаре, дрянной кабак около какого-то храма. Мне приходилось там бывать. Хозяйка – Марисса, толстая бабища, которая утверждает, что видела Край Земли. Не знаю, то ли это, что тебе нужно, Ра, но слова крутились в голове. Дурацкое название, которое сложно забыть». Внизу маленькими буквами было приписано: «Этот сокол твой. Подарок. Хотя у тебя есть братья, чтобы защитить себя, спутник тебе может пригодиться. Он похож на тебя – такой же дикий и один из лучших. Заклятье поможет ему настроиться на тебя. Назови, как пожелаешь, у него еще нет Имени. Спасибо за денежки. Я и впредь буду ставить только на тебя. Джей».

Так значит, это трактир... Сокол смотрел на меня красными глазами, слегка опущенными темным по краям, и терпеливо ждал, пока я дам ему Имя. Возвращать подарок я действительно не собиралась.

– Пепел.

Он раскрыл клюв, издал высокий крик, а потом взлетел мне на плечо. «Кажется, я тоже становлюсь пижоном», – подумала я, когда заходила в Альий Призрак.

* * *

У меня действительно была причина, по которой я периодически посещала Беар, и название этой причины – лэр. После удачного ритуала или просто в период отдыха мне нравилось совершать вылазки за пряными шариками лэра, дарящими мгновения слияния с музыкой мира. Нельзя сказать, чтобы меня встречали с распростертыми объятьями, но меня это никогда не волновало.

Лэр – наркотик для аристократов, для немногих, восприимчивых к экстракту и способных за него заплатить; его действие оглушает, заставляет ощутить себя искрой на волнах всеобщего звучания. В том, что слышишь, находясь под воздействием лэра, нет ничего похожего на мерзкий скрежет, треньканье и бляение, выдаваемое за музыку менестрелями. У каждой капли росы, у ветра, у серии беспощадных ударов – у всего есть свой неповторимый звук, своя мелодия, которую позволяет услышать лэр. Единственный его недостаток помимо привыкания – это невозможность сосредоточиться, пока находишься под действием наркотика. Музыка мира чересчур сильна и всеобъемлюща, она выматывает, она настолько же мучительна, насколько глубока, поэтому после

принятия лэра проваливаешься в долгий сон. И вот тогда ты уязвим. Именно поэтому я использую его только в Алом Призраке – контролируемая слабость.

Предупреждение Триэра мне не понравилось – он знал о моих визитах в Беар, а значит, об этом знал и еще кто-то. В любом случае, Белый Город (как переводилось название с древнего диалекта Шойары) я изучила неплохо, но о трактире, про который вспомнил Джей, ни разу не слышала. Записка мага возбуждала любопытство, и выхода из ситуации было два: либо отправиться в северную часть Ущелья к Амине, Леди Лжи, надеясь на то, что она прочтет послание, либо пойти на поиски трактира с дурацким названием. Амине – моя должница, я случайно спасла ее, так что могла рассчитывать на ответную услугу, но доверять Лордам Лжи в таком деле мне не хотелось. Как, впрочем, и в любом другом. Они превосходно разбираются в языках, писаниях, легендах и заклетьях – ведь чтобы ложь была убедительной, в нее надо вплетать крупички правды – но если в записке кроется какая-то тайна, то последнее, куда она должна попасть, это руки Лордов Лжи. Поразмыслив, я решила отправиться в Беар.

Белый Город, созданный как оплот против демонов, оставался таковым очень недолго. Его основали религиозные фанатики, пытающиеся сдержать волну дароёя, стремящихся прочь из Ущелья Раздоров. Беар – это город храмов, служителей культов и грандиозных построек, восславляющих самых разных богов этого мира. Нигде религия не расцвета-

ет так, как в местах, где можно увидеть проявления демонической природы. Своей праведной жизнью, заклинаниями и армией люди намеревались запереть кланы в Ущелье, но они не рассчитали силы и в итоге превратились в придаток, из которого мы получали продовольствие, оружие, вино, ткани и развлечения.

Каждый из жителей Беара искренне верит, что делает доброе дело и что только его подвиг удерживает остальной мир от падения, но на самом деле Совет правит так, как считают нужным Лорды Лжи, с удовольствием замаскировавшиеся под монахов и религиозных лидеров. Торговцы, нарушившие обеты, замаливают грехи поставками в Ущелье во избежание разглашения их слабостей, а лучшие и самые смелые бойцы армии Беара, пытающиеся проникнуть за ворота, очень быстро гибнут от рук Детей Лезвия.

Это город-каркас, заполненный тем, чем мы пожелали его заполнить. Белый футляр, внутри которого бродят переодетые королями шуты, доброжелательные убийцы, бродяги в поисках приключений, женщины, помешавшиеся на обетах, веселые пьяницы и серьезные ремесленники. Жители не знают и, наверное, не хотят знать, что ими правят те, кого они ненавидят, что золото, стекающееся в казну, это плата за заказы, которые делает их Совет, что товары, которые они производят, отправляются в Ущелье Раздоров, перенесенные проклинаяемой ими магией. Беар беззаботен, обманут, игрив и изысканно благочестив. И прекрасен...

Многие скульпторы и архитекторы поработали здесь, восславляя своих богов, и поэтому он изящен, но тверд, белые стены возносятся в небеса, словно могучие ноги Создателя. Это могло бы показаться трагичным, если бы не вытекало из человеческой природы – люди не способны признать очевидное, если это может причинить им сильную боль. Они любят сказки. И Беар – это чужая сказка, в которой они живут. Мне нравится этот город. Кажется, что мы используем его, но он нужен нам так же, как мы ему. И в этом есть тонкая ирония.

Рано утром я оделась в такую же одежду, что была на мне ранее, только без серебра, проверила ножны, серпы, смазала подсохшие раны на спине и бедрах, посадила на плечо черного сокола Джея, а потом направилась к ближайшей Точке, переносящей за пределы ворот. Точки – это возможность для даройо быстро перемещаться внутри Ущелья Раздоров, созданные очень давно. Выглядят они как вмятины в земле, в которых ничего не растет. Небольшие расстояния я обычно предпочитаю преодолевать верхом, но чтобы добраться до Беара, требуется несколько суток. И кто знает, сколько мне придется искать проклятый трактир и что меня ждет в конце пути. К тому же что-то мне подсказывало, что у меня и без того будет возможность размять мышцы и попрактиковаться во владении оружием.

Точка вынесла меня прямо к стенам Беара. Город выглядел неприступным и невозмутимым, стоящие наверху стра-

жи оглядывали окрестности в поисках проклятых демонов, но так ничего и не заметили. Думаю, мне было бы довольно сложно увернуться от их стрел, но я не собиралась рисковать или совершать подвиги, похожие на любимое увлечение девушки-Звезды, поэтому просто попросила братьев, невидимых и полусонных, скрыть меня тенью. Видение, марево в жаркой пустоши, от которого стражи только протрут глаза и, зевая, посмотрят в другую сторону.

Пройдя в город через одни из парадных ворот, которые назывались Зев Повелителя Урожая, я снова стала собой, избавившись от морока за углом высокого дома, где, судя по раздающимся изнутри недовольным крикам, с купцов собирали налог. Оглядев все вокруг и не заметив никого, кроме безобидных горожан, я вышла из тени и направилась по прямой улице на запад, к трущобам Беара.

Узнать дарйю, если он не желает, чтобы его узнавали, можно по крыльям на спине и особому запаху, но мне никогда даже в голову не приходила мысль прятаться. Дети Лезвия не прячутся, они посланцы Смерти, ее жнецы и любимцы, которые не должны бояться вызова. Конечно, я не бродила, открывая свой темный знак, и не испытывала судьбу, бессмысленно нарываясь на битву, но и не кралась, как осторожный вор. Властность и дорогое оружие делали меня похожей на аристократку, желающую путешествовать инкогнито, поэтому простолюдины приставали редко, а люди побогаче слишком тряслись за свою жизнь и понимали, что

лучше не задавать вопросов. Однако нельзя сказать, чтобы мое происхождение не чувствовалось. Думаю, в глубине души горожане всегда знали, кто проходит мимо них, а торговцам, с которыми мне приходилось иметь дело, было доподлинно известно, кто их посетил. Людям хватало ума понять, что лучше оставить меня в покое.

– Демон! – вдруг завопил кто-то, и я увидела длинноволосую девушку в ярко-синем платье простого кроя, показывающую на меня пальцем.

Проклятье! На улице было мало людей, всего тройка юнцов, похожих на студентов магического училища, да маленькая девчонка, плетущая из грязной травы венки, но они уже оглянулись и разинули рты. Монашки, служащие Бригитт, иногда нас чувствовали, но эта была слишком молода, чтобы сообразить, что же ей теперь делать. Убивать ее мне не хотелось – слишком легко, поэтому я пересекла улицу, приближаясь к девушке. Юнцы вытаращили глаза, а монашка замолчала. Встревоженный сокол на плече взвился, спрашивая разрешения начать охоту, но я только дернула плечом.

– Знаешь... Если бы я в твои годы мучилась без мужчины, мне бы тоже везде мерещились демоны, – насмешливо сказала я, заставляя ее опустить взгляд.

Юнцы засмеялись и сразу же забыли о криках монашки и о демонах. Девушка была неглупа и вряд ли отбросила подозрения так быстро, но сейчас ей не оставалось ничего другого, как поспешно уйти. Служительницы Бригитт дают обет

безбрачия, что мне кажется смехотворным, и не для всех это просто, так что насмешка попала в цель. Синее платье мелькнуло и исчезло в переулке, но я видела, каким взглядом она смотрела на черного сокола. Он выдавал меня не хуже братьев, хотя среди аристократии было полно чудаков, которые могли вывести такую птицу.

Я завернула за угол и, обогнув рынок, среди пестрых и шумных посетителей которого я слишком выделялась, вышла в квартал торговцев, где располагались лавки и жили наемники и бродяги, стекающиеся в Беар в поисках приключений. То тут, то там встречались молитвенные процессии, а уж храмы виднелись на каждом шагу – большие, маленькие, высокие, похожие на пещеры или просто алтари, увенчанные цветами, маленькие избушки и идолы, намазанные душистым маслом... Они были везде.

Мимо прошлепал мальчишка-курьер, начинающий свою работу на заре. Он отвесил мне легкий поклон, таращась на диковинное оружие и красные глаза Пепла, а потом припустил снова, чтобы не опоздать. Здесь меня принимали за одного из путешественников, привозящих свою сталь на защиту Беара. Среди них встречались очень странные люди с непривычными для жителей Белого города обычаями, так что горожане не удивлялись. Вообще удивительно, что они нетерпимы к кланам при такой терпимости к разным культам и бродягам.

Трущобы Беара начинаются с дешевых постоянных дво-

ров на окраине квартала наемников, замызганных трактиров и лачуг, в которых живет армия благочестивых нищих. Белый Город расположен посреди пустоши, воду здесь доставляют из источников и глубоких колодцев, поэтому она в цене, но многочисленные храмы постоянно поддерживают всех неимущих, соревнуясь в милосердии, и многим не приходится работать или искать какое-то другое дело, достаточно просто помолиться и попросить.

Мне всегда было непонятно, как можно жить, не имея призвания, но у людей это получалось. Некоторые целыми днями просиживали перед храмом, восславляя какого-нибудь неведомого бога и отходя только, чтобы справить нужду. Горожане кажутся мне слишком шумными, их движения – пустая трата сил, их интуиция постоянно подводит, а магия – результат громоздких обрядов и сотрясения воздуха. Они чрезмерны во всем – чрезмерно глупы, чрезмерно эмоциональны, чрезмерно суетны; их слишком много, а запах позволяет отыскать любого при особой нужде. Мне нравился город, но от людей я уставала. Хотелось вернуться в Алый Призрак, избавив свои уши от лязганья и шума, от криков продавцов и дешевой музыки.

Эти мысли пришли мне в голову по пути к торговцу лэром – юркому хитрецу Юрту, который тщательно маскировал благосостояние, живя на краю квартала наемников. Меня его пухлая физиономия не обманывала.

– Приветствую, леди, – увидев меня, он сразу же полез

в шкаф за спиной. – Сколько на этот раз?

– Семь шариков, – я успокоила сокола, который начал переминаться на плече и готовиться к бою: его нервировало близкое присутствие человека.

Торговец удивился, но ничего не спросил, быстро сгребая и пряча горку монет.

– Благодарю, леди, – Юрт покосился на бьющего крыльями сокола и сделал пальцами знак, охраняющий от зла. – У вас спутник демонов!

Грязь и убожество меня утомляли. Мне нравилась чистота линий, холодок камня, а здесь все было не так: стол хранил отпечатки множества чужих рук, стены были плохо выструганы, везде ощущалась чуждая мне культура. Я не смогла бы жить среди них долго. Дискомфорт вызывал раздражение и, чтобы не убить продавца, избавив его от такой унылой жизни, я решила поторопиться:

– Не говори мне, что не знаешь, с кем имеешь дело, – его лицемерие меня рассмешило. – У меня есть один вопрос. Где находится «Пьяная Волчица»?

– Верно, я знаю, кто вы, леди, – Юрт перестал изображать пугливого пройдоху, закрывая шкаф на ключ. – Лэр покупает не так много людей, он ведь действует не на всех да, к тому же, стоит недешево, так что я своих покупателей отлично помню. Некоторые из Совета, некоторые – из Гильдии купцов... Но вы другая. Каждый раз приносите с собой запах гибели... Но мне все равно. Я не собираюсь отказываться

от золота только потому, что вы демон.

– Ты умен, – безразлично бросила я. – Так где находится трактир, о котором я спросила?

– Угол улицы Сломанной Стрелы и Второй Поэтической, прямо рядом с храмом Святого Окимуса, – торговец посмотрел, как я кладу пряные комки лэра в мешочек у пояса, заодно разглядывая ножны серпов. – Если вы хотите перекусить, я бы вам туда идти не советовал.

Значит, визит в трущобы отменяется. Впрочем, неудивительно, что Джей назвал кабак дрянным, – как еще можно окрестить заведение, в котором наверняка толкуются новоиспеченные маги да стихоплеты. Настроение начало стремительно портиться.

– Благодарю, – я кивнула Юрту и вышла прочь, не найдя и на улице долгожданного облегчения. Всюду пахло людьми.

Солнце поднималось над Беаром, и украшения храмов начинали сиять всеми цветами радуги. Я не любила свет и не понимала, почему люди, словно Чарующие, так стремятся смешивать краски, не умея полностью насладиться даже одной. Игра полутеней, приглушенные цвета ночи намного мне ближе. Ступая по гладкой плитке мостовой, я ожидала нападения, но никто не желал сразиться, оставляя меня неудовлетворенной. Среди этой пестроты мне не хватало гармонии битвы; чем больше людей появлялось с восходом солнца на улицах, тем мрачнее я становилась. Пепел взлетел и теперь парил надо мной.

Угол Второй Поэтической и улицы Сломанной Стрелы я нашла без происшествий. Трактир был старым, приземистым, вывеску давно не чистили, поэтому волчица, изображенная на ней рядом с кружкой, больше походила на грязную собаку. Странно, что посреди начищенного, украшенного флагами квартала остался такой неказистый домишко. «Пьяную волчицу» можно было бы и не заметить, так осторожно она притулилась между зданиями, пристроив свои кособокие стены. Сокол спикировал сверху и снова сел на плечо, а я спустилась по маленькой лесенке в полуподвал, к входу в трактир. Каблуки сапог чеканили спокойный ритм, а дверь открылась на удивление легко.

Когда она захлопнулась за мной, хозяйка за стойкой прекратила лить пиво и с подозрением посмотрела сначала на красноглазого сокола, затем на мое бледное лицо. К ней нужно было идти через весь зал, заполненный квадратными табуретками и столами из темного дерева; здесь пахло пролитыми напитками и жареным мясом. Служанка с недовольно поджатыми губами протирала стол, а два посетителя в разных углах пытались скоротать время за кружками дурно воняющей дряни.

Все трое оставили свои дела и следили за мной. Подслеповатый старичок прищурился, увидел Пепла, потер глаза, хотел ринуться к выходу, но я закрывала его, поэтому он просто крепче сжал вилку. Служанка ойкнула, а второй посетитель, смерив меня взглядом, продолжил пить. Его глаза

остановились на мне и теперь переходили от одного элемента к другому, неторопливо, внимательно, немного насмешливо, но... с восхищением.

Я прошла через зал и чувствовала спиной, как он смотрит на меня. Как на женщину, а не как на Дитя Лезвия. Впервые мне показалось, что моя одежда слишком тесна.

– Марисса?

Хозяйка кивнула. Располневшее тело колыхнулось, а пухлые руки отставили кувшин с пивом.

– Я ищу мага, – проговорила я. – Он должен был заходить сюда, – кратко описав мужчину, забравшегося в мой замок, я взглянула на Мариссу.

Нельзя сказать, чтобы она испугалась, но некоторое опасение на лице все-таки обнаруживалось. Дыхание тоже участилось, но я уверена, ей по роду своей работы приходилось общаться с разными типами. И, очевидно, я не первая из даройя, которую она видит, поэтому хозяйка не стала лгать.

– Он заходил сюда, но ушел, – Марисса шелкнула служанке, и та унесла кружку пива за столик нахального незнакомца. – Его зовут Аламар, он маг из Шойары. Кажется, из тех, что пытаются оседлать ветер. И он предупредил, что ты придешь.

Мне не понравилась эта фраза. Маг подталкивал меня совершать поступки, пытался управлять мной, хотя уже погиб, и самонадеянность человека, уверенного в моем любопытстве, одновременно сердила и изумляла меня.

– Я пришла.

Я не стала уточнять, что прозорливый маг кормит червей.

– Аламар просил сказать, что записка – это ключ, леди.

Единственный, с кем он разговаривал здесь еще – вон тот человек, – она показала на лохматого незнакомца. – Больше маг ничего не передавал, разве что попрощался со мной, купив лишнюю кружку вина Илли, и сказал, что вряд ли вернется назад. Может быть, бродяга знает больше. Но не я.

– Почему трактир до сих пор не снесли? – вдруг спросила я.

– Это место встречи. Перекресток, – Марисса неловко дернула плечом. – Те, кому нужно передать послание или встретиться, приходят сюда. Отсюда не выходит ничего, что не предназначено для чужих ушей. Хоть доходы и небольшие, но я горжусь «Волчицей». Разные люди сюда заходят – и маги бывают, и воры, но мне это неинтересно. Главное, что меня уважают.

Это мне было понятно. Семейная честь. Толстуха перестала казаться мне отвратительной, я бросила на стойку монету и отвернулась.

Человек, с которым Аламар разговаривал в последний раз, почти допил пиво и продолжал меня разглядывать. Его глаза в этот момент как-то осветились, смесь теплого янтаря и немного зелени; он был пьян и абсолютно удовлетворен жизнью и теми картинами, что та ему посылала.

Незнакомец выглядел странно: приятное лицо с темными

усаами и щетиной слегка раскраснелось, черные волосы рас­трепались в разные стороны, а куртка из выдубленной кожи была распахнута, демонстрируя уже начавший намечаться животик, поросший густым волосом. Грудь же была безво­лосой, плотной, и сам он, хотя и выглядел сильным, уже на­чал заплывать жирком, становясь внушительным, но непово­ротливым. Он одновременно походил на разбойника из тех, что грабят караваны, и на взрослого сына знатного вельмо­жи, который случайно забрел в трактир и остался там, раз­мышляя о никчемности своей жизни, которая, впрочем, ни­что его не удручала. Я подошла и села напротив, он встре­тил взгляд, ожидая, что я скажу. А потом разулыбался то ли своим мыслям, то ли мне – я не поняла.

– Я Ра, одна из Детей Лезвия, лучшая после Адепта, – сразу представилась я, чтобы не приходилось преодолевать ненужное сопротивление. – Я хочу знать все об Аламаре.

Жесткий тон его разочаровал, и открытое лицо незнаком­ца вмиг изменилось. Мне не приходилось видеть никого, у кого эмоции настолько сильно отражались бы на лице, – мужчина потемнел, поджал губы, лицо его стало надменным, взгляд – неприятным.

– А я – Рик. Просто Рик, – насмешливо уточнил он и снова приложился к кружке с пивом. – И мне кажется, – добавил он, отхлебнув еще, – что нельзя быть первым после кого-то. Либо ты первый, либо ты уже второй.

Я давно не разговаривала с людьми, и его поведение меня

заинтересовало.

– Ты прав. Пока я вторая из Детей Лезвия, но это тоже немало, – кивнула я. – Вижу, ты из тех, с кем можно не утруждать себя длинными разговорами.

Я достала записку мага и положила перед Риком. Тот посмотрел на нее бесшабашно-пьяным взглядом, в котором светились маленькие искорки, потом сгреб некрасивой ладонью и хмыкнул.

– Кое-что кажется мне знакомым... Но мне это не прочитать. Похоже, это из тех мест, где был Аламар. Далеко отсюда.

– Где это?

– Далеко... – отмахнулся он и заказал еще кружку вертлявой служанке.

Сокол злобно крикнул, и Рик взглянул на него из-под опущенных ресниц. Во взгляде не было ничего хорошего.

– Это маги имеют дело с сомнительными личностями вроде тебя, – заметил он, не переставая пить. – А я – нет.

– Тогда я убью тебя так же, как убила Аламара.

Заскучав, я извлекла серпы незаметным движением, и их острия уже блестели прямо перед его носом. Похоже, он не до конца понимал свое положение, и мне показалось, что блеск оружия ускорит разговор. Но вместо того, чтобы испугаться, он взвился и схватился за пояс:

– Проклятая сука!

Двигался он очень медленно, поэтому я легко выбила нож

из его рук и вложила серпы в ножны – глупо драться с пьяным. Спорить он не собирался, сразу оценив шансы, и сел обратно, но сделал это крайне неохотно, опять взявшись за пиво. Вся симпатия, которой он лучился вначале, исчезла.

– Он хотел мне что-то передать. Вот это, – я опять показала Рикку клочок бумаги. – Но я не знаю, что здесь написано... Мне нужна твоя помощь, человек. Если будешь упираться, я отрежу тебе голову.

– Ну... Все мы когда-нибудь умрем, – доверительно сообщил он мне, залпом допив пиво и взъерошив волосы. – Раньше или позже. Мне нечего терять, леди.

Пиво закончилось, и теперь Рик смотрел на кружку, больше не сияя странными глазами.

– Ты знаешь, кто такие Дети Лезвия. И ведешь себя так только потому, что ты мне необходим, – холодно сказала я. – В этом случае ты нахален, недалновиден и глуп, потому что любому терпению есть конец, а мой предел начинается на следующей твоей наглой фразе. Сейчас ты встанешь и пойдешь со мной.

– Да, я это вижу, – Рик неохотно встал и заказал еще кружку пива, расплачиваясь с Мариссой. – А, может, я просто пьян, так что мне все равно, – он усмехнулся. – Если ты думаешь, что я ждал тут тебя, то ты ошибаешься. Тут просто хорошее пиво, а ты мешаешь мне его пить.

Мы вышли из трактира. Мужчина, немного покачиваясь и сжимая ручку кружки в руке, шел сбоку, его наряд

довершали штаны из плотной черной ткани, широкий ремень и потертые ботинки. Он с удовольствием прихлебывал хмельное варево, снова начиная расплываться в добродушной усмешке.

– Знаешь, мне всегда нравились женщины в черном, – сказал Рик. – Но вот этот высокомерный тон тебе совсем не идет...

Я предотвратила дальнейшие слова, срезав прядь волос прямо перед его глазами, и мужчина замолчал. Там, где другой ощутил бы страх, Рик приходил в молчаливое бешенство, словно это не он пытался позволить себе фамильярность с одним из лучших воинов, а я оскорбила его. Он расскажет мне, куда идти, чтобы прочесть записку, и я с удовольствием его отпущу.

Мне не нравилось, как много он пьет, потому что это надругательство над разумом и телом, не нравилась его излишняя вспыльчивость, хотя в нем присутствовало и что-то от Чарующих – возможность успокаивать, завораживать, располагать. Только у них это происходило украдкой, исподтишка, а Рик преобразался в один миг.

– Ты случайно не менестрель? – поморщилась я, взглянув, как он хлещет пиво.

Этот вопрос его удивил.

– Нет, я не менестрель, – бродяга качнул головой, а потом добавил, миг подумав: – Но пою я неплохо...

* * *

Если раньше люди просто таращились на моего сокола и диковинное оружие, скорее чувствуя, чем сразу узнавая во мне посланца Смерти, то теперь, когда рядом со мной шел Рик, они разве что не показывали на нас пальцами. Рик действительно стоил того, чтобы на него смотреть, – каждый косой взгляд его сердил, он мрачнел и прибавлял шаг, раздражаясь. Походка его тоже отражала настроение – размашистая и неровная. Я с размаху ударила бродягу по спине, нажала на точки на шее и легонько шлепнула по затылку, очищая затуманенный мозг. После этой процедуры Рик по-мрачнел еще больше, посмотрел на дно кружки и выбросил ее, так как внутри ничего не осталось.

– Я вижу, у вас полно скрытых талантов, леди, – заметил он. – Но к ним не относится умение описывать ближайшие планы.

– Я хочу покинуть Беар.

Теперь, когда он протрезвел, мы могли прибавить шаг.

– Не любите Белый Город? – почему-то в его устах уважительное обращение звучало слишком холодно и даже оскорбительно.

Я остановилась и внимательно посмотрела на него злыми глазами:

– Я не люблю людей.

Больше Рик ничего не говорил, следуя туда, куда я вела его, и не проявляя интереса к направлению ходьбы. Казалось, ему все равно, куда идти – направо, налево или прямо, потому что чем дальше мы отходили от трактира, тем сильнее у него портилось настроение. Он чувствовал себя неудобно, ему не нравилось окружающее пространство и неизвестность, в которую я вела его.

Люди любят притворяться теми, кем не являются, словно Лорды Лжи, разница лишь в том, что ложь людей очевидна. Она слышна в тихих вибрациях голоса, в стуке сердца, который сразу меняется, в легком проблеске глаз. Им кажется, что, скрывая суть, они становятся сильнее. Тело Рика даже не старалось скрывать ложь, оно говорило без слов, и это единственная черта, которая мне в нем нравилась.

– Ты уведешь меня в Ущелье и принесешь в жертву? – хмуро спросил Рик, словно это был не самый худший вариант из всех, что он рассматривал про себя.

– Нет.

Мы вышли за ворота, проталкиваясь сквозь шумящий и галдящий караван из Шойары, – два подозрительных путника и черная птица с белыми полосками на крыльях, парящая в вышине. Караванщикам было не до нас, они кричали и переругивались, направляя длинноногих животных, груженных товарами, к воротам; вокруг вилась любопытная детвора. Мне хотелось как можно быстрее убраться отсюда.

– А что мне мешает крикнуть, что ты поганый демон

и пытаешься меня похитить? – снова поинтересовался Рик, но как-то лениво и без энтузиазма. – Ведь лучники со стен настигают тебя стрелами.

– Попробуй, – предложила я.

Его губы начали складываться в язвительный ответ, и тут я услышала звон тетивы.

– Щелк!

Стрелу я поймала прямо перед своей шеей. Рик только начинал кричать и бросился на меня, пытаясь оттолкнуть...

– Щелк!

Вторую я отбила ладонью, применив тай-су и одновременно скользнув под рукой Рика, чтобы не оказаться на земле.

– Щелк!

Лучники со стен заметили нападение на путников и начали разворачиваться в нашу сторону, а группа нападавших уже скакала прочь, отделившись от каравана. Последний выстрел пропал втуне, я это видела и не стала пытаться избежать его.

– ...! – выругался Рик, а лучники со стен начали поливать убегающих ливнем стрел. – Нас чуть не убили!

Меня его недовольство интересовало мало. Если бы не он, я бы бросилась в погоню, а теперь могла только метнуть тонкий нож вдогонку, направляя его магией. Последний из нападавших вывалился из седла и рухнул в пыль. Прежде чем я успела что-то сделать, охранники со стен превратили убийцу-неудачника в подушку для иголок, и только потом до них

дошло, как именно мне удалось избежать смертельных выстрелов.

– Бежим!

Рик понял, что случилось, и припустил совсем неплохо для медлительного человека, я же прикрывала его сзади, закрыв глаза и ориентируясь по звуку. Стрелы поют, они гонят перед собой плотный воздух, распарывая ленивую ткань жаркого марева пустоши, и я знаю, куда они попадут. Я не пыталась увернуться, служа живым щитом и заставляя участки тела отвердевать как раз перед тем, как стрелы вонзятся в них. Замечательная игра, трудная задача. Пару раз я почти пропустила выстрел, ведь их было много.

Караванщики оглашенно вопили, не понимая, что происходит, но несколько человек из охраны каравана тоже выстрелили вслед.

– Налево, налево! – закричала я. – В ту вмятину у стены!

Если Рик и имел какие-то возражения, то высказывать он их не стал. Я отбила несколько стрел, летевших в него, серпами, но люди еще просто не осознали до конца, что происходит, иначе смертоносный дождь стал бы плотнее.

– Эйлос!

Брат появился сизой тенью и накрыл человека, повинуясь моему желанию, так что за него можно было не волноваться, Тарен тоже очнулся и возник рядом, защищая меня; лучники завопили от удивления, не переставая стрелять. Пепел вцепился кому-то из них в лицо – я ощущала его удовольствие,

взрывающееся в мозгу боевым экстазом, и это непривычно отвлекало. Прыжком преодолев расстояние до Точки, я свалилась на Рика и понадеялась, что все получится, а спустя миг мы уже оказались перед воротами в Ущелье.

– ...! – снова выругался Рик, но на этот раз ошеломленно, блуждая взглядом то по темным скалам, то по Эйлосу и Тарену, которые невозмутимо стояли рядом. – Неплохо было бы что-нибудь выпить...

– Мы перенесли его, как груз, – объяснил мне Тарен, помогая встать.

Рик тоже поднялся, старательно отряхивая пыль со штанов и не торопясь что-либо говорить.

Черный камень ворот с начертанными буквами Алфавита, скалы, поднимающиеся вверх, и дыхание спрятавшегося там тумана – все это было мне по душе. Человек сдвинул брови, пытаясь разглядеть, куда уходит дорога, но если здесь, за вратами, светило солнце, выжигая пустошь и опалая лица, то путь Ущелья Раздоров скрывался в полумраке; тракт терялся среди кустов каори и постепенно сгущающихся плетей тумана. Братья терпеливо ждали моего решения.

– На тебя напали Лорды Лжи, – вдруг сказал Эйлос.

Я недоверчиво качнула головой, ожидая объяснений.

– Мы их почувствовали. Ты убила одного, – подтвердил Тарен.

У меня не было причин сомневаться в словах братьев, поэтому я задумалась. Все принимало какой-то странный обо-

рот. Сами они никогда не смогли бы меня убить, но Лорды выбрали удачный момент, спровоцировав меня и раскрыв перед людьми. За это они будут наказаны.

Мало того, что они были прекрасно осведомлены о моих перемещениях, хотя я не чувствовала слезки, так почему-то попробовали напасть. Клань не воевали друг с другом, а уж Лорды Лжи вообще были в искусстве войны полными профи, но воин должен уметь спокойно принимать самые неожиданные новости, поэтому я постаралась не удивляться. Мне нужен был покой и отдых, чтобы с помощью тренировки привести в порядок ум и эмоции. А тут еще этот человек...

Рик не перебивал нас, разглядывая ворота и братьев. Их появление оказалось для мужчины неожиданностью, к тому же Эйлос и Тарен намного более впечатляюще выглядят, чем я. Черное с красным, высокий рост, непроницаемый взгляд, капюшоны и странные усмешки-послания. Все, как в людских легендах. Сложно было сказать, о чем он думает, — мы не общались с людьми, мы их просто убивали, поэтому ход его мыслей мне был непонятен. Кажется, дароюя и люди отличаются друг от друга сильнее, чем я предполагала.

— Нужно идти к Игле, — мягко сказал Эйлос, предвкушая побоище; кажется, перспектива войны с Лордами Лжи его радовала. — Ты узнаешь, что происходит.

— Так будет... Но сначала я должна закончить начатое, — прервала его я, развернувшись к Рiku. — Расскажи, где можно прочитать записку, а потом я тебя отпущу.

– И куда я пойду? – спросил мужчина, глядя на меня зеленовато-золотистыми глазами. – Вы очень добры, леди, – насмешливо проговорил он, – но теперь люди Беара думают, что я демон.

Братья вели себя необычно. Они были возбуждены и агрессивны, предчувствуя месть, а рядом стоял беззащитный человек, который вполне мог бы стать первой жертвой. Я знала, что они хотят с ним сделать, видела внутренним зрением, потому что мысли были слишком яркими, и мне нравилось их видение, но убивать Рика я не собиралась. Если мне приходилось разговаривать с людьми, покупать лэр или вступать в краткий контакт с другими продавцами, с прохожими, то для братьев человек был лишь одним – возможностью продвинуться по Пути, живым мертвецом, для которого еще не выбрана смерть. Мужчина заметил недружелюбный и алчный блеск их глаз.

– Меня не интересует, куда ты пойдешь, – я пожала плечами. – Рассказывай. Ты ждал, когда он вернется?

Между нами упала тень от пролетающей птицы – и Пепел опустился мне на плечо.

– Аламар побывал во многих местах, он постоянно странствовал, – медленно, словно решаясь на что-то, сказал мужчина. – Я не знаток магических рукописей, но могу сказать, где живут люди, которые хорошо знали мага. Я просто приятель, случайный знакомый, – он усмехнулся. – Боюсь, я не так уж тебе и помог. Впрочем, мне кажется, легче было бы

спросить у него самого, а не убивать его, а потом плутать по лабиринтам.

– Где они живут?

Сомнительные шутки людей меня не трогали.

– Сагивус Лай в Шойаре, – угрюмо назвал Рик. – Леди Трини в Ар-эн-Квите, Городе-на-Мосту... И Мэррит. Он отшельник и к тому же бродяга. Понятия не имею, где его искать и кто он такой. Но Аламар его упоминал.

Братья потеряли интерес к разговору и отошли в тень ворот, прячась в ней и начиная полусхотливый поединок. Им было необходимо постоянное движение, ощущение битвы, иначе они уходили обратно, в сумеречный, неведомый мне мир. Рик покосился туда, где раздавался лязг стали, но не задал ни одного вопроса. Его единственное оружие – нож – вряд ли пригодилось бы, если бы они решили напасть, и человек это отлично понимал.

– Где находится Ар-эн-Квит?

– Найдите карту, леди, – он сплюнул в пыль. – Я свободен?

– Да.

Рик развернулся и зашагал прочь, не оглядываясь и не изменяя темпа ходьбы. Стоило бы вырезать на нем узор за наглость. Если его опасения верны, то человеку придется добираться до Шойары. Даже до Беара идти было около дня, по пустоши, залитой горячим солнцем, без еды и без воды. До Шойары он не дойдет, но друг Аламара не сказал больше ни слова, не стал колебаться, а упрямо топтал поросшую

редкой желтой травой пустошь, и ветер торопливо слизывал следы на песке. Смерть его будет некрасивой и тягостной.

– Долг зовет, – Тарен тряхнул несущей гибель дланью. – За все нужно платить сполна. За смерть – смертью, за жизнь – жизнью.

Эти слова внезапно напомнили мне о другом – о том, как нескладный человек пытался оттолкнуть меня от стрелы, хотя он слишком медлителен. Редко случается так, что кто-то старается защитить даройю. Каждый из Детей Лезвия стремится к собственному совершенствованию, защита жизни другого – из ряда вон выходящее событие. Тот, кто слаб, недостоин защиты, а сильный в ней не нуждается.

Мига было достаточно, чтобы принять решение. Заповеди распространялись на всех.

– За смерть – смертью, а за жизнь – жизнью... – повторила я. – Приведите его обратно.

Пепел закричал и захлопал крыльями, в нем жила ненависть к людям, которую Джей вкладывал в каждую боевую птицу. Братья никогда не оспаривали моих приказов, поэтому стремительно промчались по пустыне вслед за отправляющимся на встречу с долгой и мучительной смертью мужчиной, словно тени от бегущих облаков. Решение давалось нелегко, но Заповеди предписывали достаточно четко: тот, кто спасал тебе жизнь, достоин жизни. Если бы на его месте оказался даройю, я бы не забыла; люди же воспринимались как досадная помеха, как материал для тренировок или тор-

говцы, но никогда – как равные. Они и не были равными.

Я прежде не находилась рядом с человеком так долго – меня раздражали их движения, их запах, их голоса, их музыка, но лучше вытерпеть рядом меняющегося каждые пять минут бродягу, чем уронить фамильную честь. Никто не нарушал Заповеди в моем роду.

Нельзя сказать, чтобы Рик был рад возвращению. Братья с ним не церемонились, а оттого он еще сильнее разозлился.

– Мне кажется, вы сказали, что я свободен, – тускло произнес он.

– Верно, но у тебя есть выбор. Ты можешь пойти в Шой-ару, а можешь отправиться со мной. В Ущелье тебя ничего хорошего не ждет, но там я буду охранять тебя. Не знаю, сколько ты проживешь, но все же дольше, чем в пустыне.

Я представила, что произойдет, окажись Рик рядом с Чарующими или другими Детьми Лезвия, и только покачала головой. Трудность задачи и нежелание ее выполнять делали ее достойной.

– Я бы предпочел оказаться в трактире с кружкой пива в руке. И никогда тебя не видеть, – ответил Рик. – Но из предложенных вариантов второй мне нравится больше. Если ты не поведешь меня в камеру пыток, я пойду с тобой. А что это вдруг так изменило твои намерения?

– Камеры пыток не будет, – холодно ответила я, оставив вопрос без ответа. – Мой долг – защитить тебя от других даройя. Если избежать твоей гибели будет невозможно, я от-

вечаю за то, чтобы ты умер по всем канонам от достойной руки.

– Эта новость меня исцелила, – усмехнулся Рик, сменив гнев на милость. – Может быть, вместо того, чтобы тащить меня в самое пекло, вы просто перенесете меня куда-нибудь, леди?

Я покачала головой:

– Только к стенам Беара, но братья больше не смогут скрывать тебя. Если хочешь, я могу перенести тебя туда и буду считать долг выполненным.

Рик покачал головой.

– Может быть, завтра? – со слабой надеждой спросил он, но я отмела эту возможность.

– Я не собираюсь ждать до завтра, – сказала я, хотя понимала, что человек не способен ни ощутить, ни даже отдаленно представить, на что похож зов Серой Леди, которая указывает на жертву.

Рик промолчал. Он выразительно молчал, демонстрируя неприятие, недовольство или радость, а сейчас его глаза потускнели и стали обычными.

– Я готов, – наконец вымолвил он, и мы приблизились к воротам, за которые никогда не приводили свободных людей.

Братья нырнули в проход, проверяя местность, Рик брел рядом со мной и смотрел по сторонам. Он очень громко двигался. Мне казалось, что окружающая ворота тишина рвет-

ся в ключья от его шагов. Прежде, чем мы вошли, я убрала с лица растрепавшиеся волосы и спросила:

– Почему ты пытался спасти меня? Ведь я забрала тебя силой, с моей смертью ты получил бы свободу, – пыталась рассуждать я. – Ты поступил нелогично.

– Ах, вот в чем дело... – Рик почесал покрытую щетиной щеку. – Я не люблю, когда убивают женщин.

– Я не женщина. Я Дитя Лезвия, – настал мой черед усмехаться.

– Для меня ты женщина, – отмахнулся он с неудовольствием. – Неважно, сколько людей ты отправила к праотцам и как ты владеешь оружием, – ты женщина. Надменная, раздражающая, опасная, но все-таки женщина.

– Это то, что люди называют добротой?

Мне не приходилось слышать ничего подобного.

– Нет, – мотнул головой он, давая понять, что разговор окончен. – Это называется мой взгляд на жизнь.

Ворота пропустили нас внутрь. В них не было смертельных чар, только предупреждение для чужаков, врывающееся в мозг тревожным беспокойством. Рик ощутил его, услышал предупреждение, смех Серых Богов, которые создали Ущелье, оградив его от людей, и лицо его стало решительным и упрямым. Похоже, он был из тех, на кого насилие оказывает прямо противоположное воздействие; в мастерских пыток нам приходилось сталкиваться с такими.

Волокна тумана тут же двинулись навстречу, окутывая

и очаровывая. Темное дерево врат затвердело со временем, его отполировали дожди и обтесали ветра, но крепость их не внушала сомнений; они завершали собой узкую дорогу, ведущую в долину, больше похожую на трещину между огромными скалами. Братья скользили далеко вперед, а сэйферы летали стремительными серебристыми молниями, наблюдая за неожиданным гостем.

* * *

Есть лишь долг, все остальное – производная от долга, его следствие. Нет черного и нет белого, как говорят люди; есть лишь поступки, пути к цели, которую определяет долг. Именно об этом я и думала, проводя Рика по узкой тропе, заросшей по бокам кустами каори; казалось, что если горы вздохнут, нас раздавит взмывающими ввысь скалами, так узок был путь. Туман начинал сгущаться, доходя нам до пояса, и я наложила на человека заклятье, позволяющее дышать здесь, хотя действовать оно будет недолго.

Привычные сумерки Ущелья Раздора скоро скроют нас в своей утробе, и это успокаивало меня. Братья скользили то спереди, то сзади, проверяя дорогу, Пепел улетел далеко вперед, чтобы вовремя предупредить о ненужной встрече. Запах смертного отчетливо бил в ноздри там, где люди почти не бывали.

В любом месте Ущелья Раздоров его быстро найдут и уни-

чтожат, и в Алом Призраке, доставь я его туда, он не прожил бы больше пяти минут. Вряд ли человек представлял, на что он идет, хмуро разглядывая тропу, и мне показалось, что это как раз тот виток, которого я еще не миновала: защита. Убийство, совершенное ради защиты кого-то. Неведомые горизонты и оттенки будущих битв придавали боевому азарту, который направлял меня к Игле, другой оттенок; предчувствие, тайна, негодование и новая грань исполнения долга – все это лишало обычной сосредоточенности, но вместо нее открывалось интуитивное зрение, ведущее вперед.

Туман поднимался все выше и выше, пока не стал своеобразным потолком, и тут скалы раздвинулись, заставляя проваливаться в раскинувшееся великолепие Ущелья. Тропа обрывалась, стремительно ныряя вниз, а мы оставались на краю чаши, заполненной туманом и светящимися огнями.

– Проклятье! – выругался Рик, разглядывая открывшееся перед ним зрелище.

Ущелье очень велико. В черноте лесов сверкают, как драгоценные камни или хищные глаза, дворцы, на высоких тонких зубьях скал взмывают вверх замки Детей Лезвия, светятся роскошные жилища Чарующих и Детей Лжи, а посередине Ущелье разделяет ТраэРН, Река Черной Крови. Всполохи огня, расположенные буквами Алфавита здания, простирающиеся далеко до исчезающего в тумане горизонта, бесконечные леса, в которых невозможно спрятаться от разящего меча, странные призвуки и теряющийся в колдовских су-

мерках грохот водопада.

Солнце здесь не светит, здесь царит ночная тьма, разгоняемая лишь пламенем и заклятьями, или полумрак, похожий на тот, что наступает сразу после заката. Ущелье – горсть темной воды из реки, в которой мерцают зловещие искры. Я жалела, что Серые Боги не оставили нам крыльев, чтобы можно было сорваться вниз и нырнуть в эту кипящую чашу.

Спокойствие и величие ритуалов Детей Лезвия, их уединенность и отрешенность слева от Траэрна, безумие и разнузданность Чарующих и странные развлечения Лордов Лжи – справа от черного потока. Но сильнее всего поражал Дворец Обратной Стороны, который мы называли Игла, – светящийся тонкий шпиль на его крыше впивался в туман, словно острая кость. Кремовый камень, из которого сделан дворец, весь усеян словами людских писаний, незаметно искаженными и переплетенными так хитро, что они порождают изысканную ложь, оспорить которую с трудом сможет самый искушенный знаток святых текстов. Его мозаики и фрески покрыты алмазной пылью, он роскошен, непомерен и ярко выделяется среди темноты Ущелья. Мне больше по душе ровные линии без излишеств, но не могу отрицать, что Игла – одно из самых впечатляющих зданий.

– Задница Дэра!.. – воскликнул Рик. – Я не знал, что вас так много здесь...

Он был ошеломлен, блуждая взглядом по открывшемуся зрелищу. Мост через Реку Черной Крови изгибался позво-

ночником дракона, подмигивая человеку потаенным мерцанием агатов, а перед ним алел Ки-рра-Дис, шумя заколдованной листвой.

– Пойдем, – позвала я, собираясь спускаться по тропинке вниз, так как Точки внутри долины не переносили людей, даже если те находились с даройо.

Вдруг Пепел предупреждающе закричал, и я снесла голову чужому боевому соколу, пикирующему из влажной темноты на изумленного человека.

– Проклятье! – еще раз выругался он, отойдя к скале. – Я бы не отказался от кольчуги и меча.

Мертвая птица некрасиво раскинула крылья, трепыхнувшись у ног, и я сбросила ее с обрыва, проследив, как трупик падает вниз, крутясь в потоках теплого воздуха, поднимающегося снизу. Ветер принес с собой новые звуки, и я поняла, что нам нужно поторопиться.

– Началась Охота, – заявил Тарен, появившись ниоткуда и снова исчезнув.

– Ты умеешь пользоваться оружием? – спросила я, повернувшись к бродяге.

Он вспылил, но сдержал гнев, потемнев лицом.

– Когда-то я был неплохим мечником, – наконец проговорил Рик, справившись с собой. – В любом случае, я хотел бы иметь возможность защищать себя сам.

– Позже, – кивнула я, торопя его, но поняла, что не успею. – Ложись!

Боевые соколы налетают стремительно, тяжелой волной, которая лишает возможности маневрировать и быстро двигаться. Они норовят вцепиться стальными когтями, мешают сохранить равновесие и к тому же лишены страха и инстинкта самосохранения, как обычные животные. Я успела остановить самого быстрого сокола, вцепившегося в спину человека, отбросив его острым концом серпа. Братья возникли рядом и стали помогать мне, сплетая смертоносную сеть лезвий.

Движения Эйлоса и Тарена повторяли и дополняли друг друга, братья словно танцевали, рисуя сложный рисунок своим оружием, а я делала картину идеальной, добивая тех птиц, что избегали их ловушек. Все происходило очень быстро, в одно мгновение. Я уже давно не достигала такой скорости в битве, все мышцы пели, отдыхая от бездарно проведенного в городе времени. Скоро все было кончено. Рик поднял голову – человек и три даройо в центре звезды из мертвых тушек боевых соколов. Я ощутила гордость.

– Он идет, – сказал Эйлос.

Я схватила Рика за плечо, помогая встать, и подтолкнула к двери, врезанной в скалу. Длинная лестница вела прямо на дно долины, но человек наверняка ее просто не заметил. Тарен вытер лезвия и отступил вместе с нами.

– Кто он? – спросил Рик, глядя на кровь, испачкавшую руки, но я не ответила, сосредоточившись на том, чтобы как можно скорее открыть запор.

Им не так давно пользовались – вероятно, для того, чтобы провести козлобородого менестреля Элайо или утеху для еще какой-нибудь Чарующей, а запечатали плохо, и это меня беспокоило. Братья встали рядом, прикрывая телами меня и Рика, который наблюдал за тем, как мои пальцы бегают по скале. Ветер дышал в лицо теплым воздухом – ни на что не похожие ароматы Ущелья и призывки, колыхавшиеся внутри тумана и поджидающие того, кто пришел без приглашения.

Тейз-Привратник скоро будет здесь. Я явственно слышала его шаги внизу, но сильнее чувствовала устремленность охотника, похожую на звук летящей стрелы. Он точно знал, где мы, и шел, не мешкая ни секунды. У каждого из нас свой способ продвигаться по Пути. У Тейза – ловить исследователей Ущелья, этих наивных смельчаков, и заставлять их сильно жалеть о необдуманном любопытстве.

– Кто он? – снова спросил Рик. – Вот дрянь!.. Мою куртку порвали...

– Пахнет кровью... – вдруг вымолвил Эйлос и коснулся спины бродяги.

Запор щелкнул, и мы зашли внутрь. Прежде чем мы спустились по узкой кишке на несколько десятков шагов, я поняла, что Рик ничего не видит, – с человеком было больше мороки, чем я предполагала. Я пыталась объяснить, подтолкнуть в нужном направлении, но он не понимал логики спуска, грозя упасть и покатиться вниз, ломая все кости. Тогда

он взял меня за руку, чтобы мне было легче направлять его и поддерживать. Его ладонь была теплой, немного влажной и мягкой.

Много широких ступеней и длинные шероховатые стены, а больше ничего. Вниз, вниз и вниз... Тарен находился сзади, не издавая ни звука, будто был невесомым призраком, Эйлос скользил спереди, а Пепел снова сидел на плече, не выказывая желаний летать в мертвом коридоре, где никто из даройо не оставил ни одной буквы, ни одного орнамента, ни единого завитка, чтобы украсить шахту. У нее было название – Коридор Рабов. Единственные, кто писали здесь – люди, но это были письма отчаяния. Рик ничего не видел, а если бы он умел побеждать темноту, то заметил бы следы ногтей на стенах, отпечатки окровавленных рук, высохшую кровь. Глаза Пепла сияли злыми рубинами.

– Мне как-то не по себе, – вдруг сказал бродяга. – Странно, что вход в Ущелье так непригляден.

– Ты что-то чувствуешь? – поинтересовалась я.

– Я чувствую чью-то боль, – тихо ответил Рик. У него был приятный голос, который иногда становился глухим.

Как сейчас.

– Мы не пользуемся Коридором Рабов, – разъяснила я, не вдаваясь в подробности, и он не стал уточнять.

Некоторое время мы шли молча. Кромешная тьма и звук шагов Рика, который постоянно оступался. Наверное, ему было странно слышать, что он идет один, ведь все мы сту-

пали неслышно, лишь изредка роняя маленькие камешки, оставшиеся на ступенях Коридора. Если я настраивалась, я понимала, что он ощущает, и это меня интересовало. Его мысли неслись, сталкивались, давили его тяжелой волной; он был удручен, подавлен и насторожен. Иногда он был близок к тому, чтобы вспылить, сорваться, попробовать убежать от себя и тьмы.

– Я хочу услышать тебя.

– Не понимаю твоего желания, – пожала плечами я, отталкивая его от провалившейся ступени.

– Расскажи мне о том, чего ты собираешься добиться...

– Я хочу добраться до Иглы и посмотреть в лицо Адепту Лордов Лжи, – сказала я, решив, что исполнение его желания не принесет вреда. – Узнать, кто посмел напасть на меня.

– Ты очень горда, – сказал он.

– Ты слишком громко разговариваешь, – не стала возражать, но и не согласилась я. – Ты и без того ведешь себя шумно.

– Я достаточно видел, чтобы понять, что нас уже обнаружили, – горько ответил Рик. – Не думал, что ваши возможности настолько велики.

– Ты еще ничего не видел, – уверила его я.

Пепел встрепенулся на плече, пощекотав меня острыми когтями.

– Кто идет за мной? Про кого вы говорили? – не сдавался Рик.

– Тейз. Мастер Пыток. Привратник. Охотник за людьми, – я назвала несколько титулов.

Тарен спустился, убедившись, что сверху за нами не будет погони, и проскользнул мимо человека, присоединяясь к Эйлосу. Идти оставалось еще долго, но бродяга устал. Его ботинки не были годны для долгой ходьбы, рана на спине его раздражала, темнота мешала ориентироваться, а хмель ослаблял тело – легкая добыча для любого, кто пожелает его заполучить.

Обычно Чарующие тащили готовых на все людей на длинных поводках, и те ползли, когда идти уже не могли. Коридор Рабов символизировал окончательную победу над жертвой – тот, кто прошел по нему, становился никем, терял свою сущность, отдав ее черному коридору и повелительнице или повелителю. Дети Лезвия каменной кишкой практически не пользовались – незачем.

– Садись, – приказала я.

– Проклятье!.. – он ощупал ступеньку и сел, напряженный и озадаченный. – Откуда ты знаешь, что я устал?

– Я слышу мелодию твоих движений, – зачем-то ответила я, оставаясь стоять. – Ты не годен ни для битвы, ни для перехода. Твой дух слаб, ты держишься лишь на упрямстве. Тебя ничто не ведет, ты – стрела, пущенная в небо.

– Ты думаешь, что видишь меня насквозь. Но ты ошибаешься.

– Почему ты не боишься того, что тебя окружает?

– Почему... – повторил он. – Потому что мне все равно. Все равно, куда идти – направо или налево. Я потерял смысл и до сих пор его не нашел. Поэтому чувства притупляются. А вообще-то, потому что я до конца не протрезвел, – вдруг усмехнулся он. – Но мне не нравится это место.

– Вставай.

Мы пошли дальше, слушая шорохи от падающих вниз камешков и громкие шаги Рика. Я не понимала, как можно говорить подобно этому шумному мужчине: его не вела цель, а значит он был выброшенной на берег рыбой. Люди не могут жить без иллюзий, а это значит, либо он сумасшедший, либо лжет. Умирать он все-таки не хотел, хотя и не цеплялся за существование, как обычно делали те, кого я посещала перед смертью. Мне требовался период одиночества и осмысления происшедшего, а это сейчас было невозможно. Тейз наверняка уже ждет внизу, брезгуя начинать бой в кишке Коридора Рабов, поэтому я настроилась, обдумывая возможную стратегию защиты. Мне хотелось верить, что Охотник за людьми подчинится мне, но если для меня ступенью на Пути было защитить Рика, то его тропа могла выглядеть сколь угодно причудливо.

Спустившись с длинной лестницы, мужчина облегченно вздохнул, отпустил мою руку и размял уставшее от бесконечного спуска тело. Не думаю, чтобы это ему сильно помогло, – он был не в лучшей форме. Коридор Рабов заканчивался небольшой комнаткой, дверь из которой выходила нару-

жу, прямо в Ущелье. Я уже отсюда чувствовала напряжение Тейза, но Рику решила ничего не говорить.

Братья встали рядом, бесстрастно ожидая приказа, но оружие было наготове. Пепел молчал, когти грозили порвать плотную ткань моего одеяния. Я заставила его ослабить хватку, довольно больно хлестнув недовольством, и он слабо крикнул.

– Выходите, – раздался голос Тейза.

– Стой здесь, – я взглянула на Рика, и мои глаза в темноте полыхнули предвкушением – переговоров или битвы.

Впрочем, я никогда не была дипломатом. Оставим дипломатию Лордам Лжи – я говорю на языке, который нашептывает мне в ухо Смерть. Честно говоря, разговоры никогда не были моей сильной стороной: я могла говорить движениями боевых серпов, ходом битвы, боевым танцем или выражением глаз, но только не словами. Велеречивые проповедники вызывали во мне тошноту. Несовершенство слов убивает музыку мира, а действие всегда красноречивее бестолковых речей.

Я медленно открыла дверь и вышла, чтобы Тейз хорошо меня видел. Он стоял прямо напротив выхода, у кустов кари, и держал свой прославленный топор. Узкие глаза могучего даройю остановились на мне и не оставляли ни одно движение незамеченным. Плащ из человеческой кожи, как и прежде, был на его плечах, зачесанные назад и намазанные маслом черные волосы отросли длиннее, чем я помнила.

У пояса висел мешочек с небольшим набором инструментов, которыми он мог сделать из стойка плачущего ребенка, а из упертого фанатика – покладистого раба. Штаны плотно обтягивали сильные ноги, а голая грудь с мощной мускулатурой служила местом паломничества многих Чарующих. У него было еще один титул, который я предпочла не вспоминать, – Повелитель Молний.

– Ра, – он чуть склонил голову.

– Тейз, – я ответила тем же, но менее почтительно. – Я хочу, чтобы ты забыл о человеке, который пришел со мной.

– Вряд ли, – Привратник не изменил позы. – Запах крови так силен... К тому же я горжусь своей памятью. Я хочу его получить, как получаю каждого, кто сюда доходит.

– Ты хочешь Смерти, – сказала я, и тут же увидела внутренним зрением картину, которая запала мне в душу. – Я ее тебе подарю.

Тейз сразу заметил изменение в моем настрое.

– Ради человека?

– Ради Тагота, – я положила руки на рукояти серпов и приблизилась.

Эйлос и Тарен стояли по обе стороны от меня, закутавшись в плащи, и ждали. Безмолвные фигуры в черном, словно проклятые пилигримы, которым не будет покоя. Пепла я отправила разведывать близлежащий лес, чтобы не мешал, хотя боевой сокол сопротивлялся, насколько он мог противиться хозяину. Мы остались одни – братья не вмешиваются

в битву, пока мне не грозит смертельная опасность. Воздух сгустился, а потом прямо передо мной ударила молния. Запахло жженой землей, но я осталась стоять там же, где и стояла. Тейз засмеялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.